

ТЁМНЫЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
РОМАН

НЕЖНЫЙ МУЖ

ISACATMEOW

— АВТОР —

18+

isacat meow

Нежный муж. Часть 2

«Автор»

2026

meow i.

Нежный муж. Часть 2 / i. meow — «Автор», 2026

Тринадцать лет спустя Клэр Уитмор и Габриэль Наварро всё ещё вместе. У них трое почти взрослых детей, привычный дом, семейные ужины, работа, споры из-за мелочей и тот спокойный брак, который со стороны кажется почти идеальным. Габриэль всё так же заботлив, терпелив и по-настоящему нежен с женой. Но прошлое не исчезло только потому, что о нём перестали говорить. Когда новое дело вновь привлекает внимание полиции и старые вопросы начинают всплывать один за другим, Клэр всё чаще возвращается мыслями к событиям, которые когда-то предпочла оставить позади. К разговорам, которые так и не были закончены. К деталям, которым она раньше не придавала значения. И постепенно ей приходится задать себе вопрос, которого она избегала много лет: насколько хорошо можно знать человека, с которым прожил почти половину жизни? «Нежный муж. Часть 2» — продолжение тёмного психологического романа о браке, семье, доверии и тайнах, способных изменить всё.

© meow i., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	36
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	42
ГЛАВА 11	45
ГЛАВА 12	49
ГЛАВА 13	52
ГЛАВА 14	55
ГЛАВА 15	58
ГЛАВА 16	62
ГЛАВА 17	66
ГЛАВА 18	69
ГЛАВА 19	72
ГЛАВА 20	75
ГЛАВА 21	78
ГЛАВА 22	81
ГЛАВА 23	85
ГЛАВА 24	88
ГЛАВА 25	91
ГЛАВА 26	94
ГЛАВА 27	97
ГЛАВА 28	100
ГЛАВА 29	102
ГЛАВА 30	104
ГЛАВА 31	107
ГЛАВА 32	109
ГЛАВА 33	112
ГЛАВА 34	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

isacat meow

Нежный муж. Часть 2

ГЛАВА 1

Папа, ты тоже был подозреваемым?

В среду, немногим после семи утра, Клэр стояла на кухне и искала клубничный джем. Она проверила две полки в холодильнике, ничего не нашла и повернулась к столу, за которым семья завтракала.

— Кто поставил пустую банку обратно в холодильник?

Молли собирала волосы. Она даже не подняла головы.

— Не я.

— Я не спрашивала, кто это сделал.

— Ты посмотрела на меня.

— Потому что обычно это ты.

— Это профайлинг.

Прежде чем Клэр успела ответить, Габриэль протянул руку мимо неё, достал новую банку из самой глубины холодильника и поставил на столешницу.

— Она вот здесь.

Клэр посмотрела на него, потом на полку, которую только что проверила.

— Я там смотрела.

— Ты посмотрела только спереди.

— Тогда зачем ты задвинул её так далеко?

— Потому что перед ней что-то стояло.

Молли рассмеялась.

— Папа победил.

Клэр повернулась к ней с банкой в руке.

— Лучше заканчивай с волосами. У тебя двенадцать минут.

— Это папа у нас минуты считает.

— Я тоже умею определять время.

— Но ты не напоминаешь мне о нём каждые три минуты.

Габриэль переложил яичницу на тарелку и спокойно произнёс:

— Одиннадцать минут.

Молли закрыла глаза.

— Вот видишь?

На другом конце стола Лили опустила голову к тосту, улыбаясь. Сегодня утром она была тише обычного. Волосы она толком не расчесала, и с одной стороны на них всё ещё оставался залом от подушки. Клэр протянула руку, чтобы пригладить их. Лили тут же отстранилась.

— Мам.

— Здесь торчит.

— Само уляжется.

— Не уляжется.

— Уляжется.

— С каждым днём ты всё больше похожа на отца. Знаешь, что неправа, но всё равно продолжаешь спорить.

Габриэль посмотрел в их сторону.

— Когда это я бываю неправ?

Прежде чем Клэр успела ответить, вмешалась Молли:

— Часто.

— Приведи пример.

— Сейчас ничего не приходит в голову.

— Тогда не считается.

— Папа, ты ужасно раздражаешь.

Хотя бы раз в день кто-нибудь обязательно говорил ему нечто подобное, и Габриэль никогда не обижался. Он поставил тарелку перед Лили, затем подвернул манжету её рукава, которая вот-вот окунулась бы в сок. Лили опустила взгляд, но ничего не сказала.

Эллиот вообще не участвовал в разговоре. Он сидел с дальнего края стола, пил кофе, а рядом лежал телефон экраном вниз. В восемнадцать ему уже редко требовалось напоминать о сумке, обуви или обеде. Да и растянуть любую тему на десятиминутный монолог за завтраком, как это умела Молли, он не мог. Порой Клэр казалось, что с каждым годом он становится всё больше похож на Габриэля. И дело было не только в лице. Даже то, как он сидел среди других и молча слушал, напоминало ей его отца.

По телевизору в гостиной негромко шли утренние новости. Клэр не обращала внимания ни на прогноз погоды, ни на дорожную обстановку, ни на бюджет городского совета. Но затем ведущий назвал имя, которое постоянно звучало всю последнюю неделю.

— Сегодня утром полиция подтвердила, что мужчиной, найденным мёртвым на севере Сидар-Риджа на прошлой неделе, был сорокавосемилетний Грэм Холт, основатель и президент компании Holt Protective Services.

Нож замер в руке Клэр.

На экране появилась фотография. Грэм Холт в костюме стоял на фоне рекламного стенда на каком-то деловом мероприятии. Он выглядел как человек, которого Клэр могла однажды встретить на школьном благотворительном вечере и уже к следующему утру совершенно забыть.

Молли взглянула на экран.

— Это тот мужчина, о котором всю неделю говорят?

— Угу. — Клэр снова принялась намазывать джем. — Ешь завтрак.

Ведущий продолжил. Пять лет назад Грэм оказался под следствием после того, как его бывший сотрудник погиб в результате жестокой стычки. Записи камер наблюдения пропали, показания свидетелей противоречили друг другу, и установить, кто именно нанёс смертельную травму, не удалось. Поэтому уголовное обвинение так и не было предъявлено.

Лили подняла голову.

— Значит, раньше он кого-то убил?

— В новостях сказали не это, — сразу поправила её Клэр. — Быть под следствием и убить человека — не одно и то же.

— Но кто-то умер.

— Да. Просто полиция не смогла доказать, что виноват Грэм.

Молли откусила тост.

— А теперь и он умер, — сказала она с набитым ртом.

Габриэль посмотрел на неё.

— Не разговаривай с набитым ртом.

Молли проглотила.

— Я всего лишь констатировала факт.

— Факт может подождать, пока ты прожжёшь.

Репортаж уже перешёл от Грэма к кадрам тринадцатилетней давности. Когда на экране в один ряд появились шесть фотографий, Клэр не нужно было слышать название, прозвучавшее следом.

Серия А.

Давно это название по-настоящему не звучало в их доме.

Не то чтобы кто-то забыл. Просто говорить об этом не было причин. Когда дети были маленькими, они знали лишь, что однажды полиция допрашивала их отца. Потом настоящего убийцу, Джулиана Мерсера, арестовали, и всё закончилось. Клэр не видела смысла рассказывать подробности пятилетнему ребёнку, трёхлетней девочке и младенцу, который едва умел говорить. Дети росли, а дело всё дальше уходило в прошлое. Так и не представилось естественного случая усадить их перед собой и объявить, что пришло время обсудить тайну, которая тринадцать лет назад едва не разрушила их семью.

Лили смотрела на телевизор.

— Они думают, этого мужчину тоже убил тот, кто устроил серию А?

— Они ещё не пришли к такому выводу, — ответил Габриэль.

— Тогда почему всё время показывают старые дела?

— Потому что есть сходства.

Клэр посмотрела на него. Он выключал конфорку и говорил так, словно речь шла о погоде. И всё же в груди на миг возникло неприятное давление.

В новостях продолжали показывать архивные кадры. Репортёры толпились у старого полицейского участка. Совсем молодая Элена прошла перед камерами. Затем показали людей у здания Asteron Technologies. Клэр уже отворачивалась, когда её внимание привлёк кто-то в толпе.

Молли узнала его первой.

— Папа?

Габриэль тоже поднял взгляд.

На экране ему было чуть за тридцать. Волосы ещё оставались совершенно тёмными, а лицо было немного худее. Он вышел из здания Asteron, и кто-то крикнул ему вслед вопрос. Габриэль не остановился и продолжил идти к парковке. Внизу экрана появилась старая подпись:

«ГАБРИЭЛЬ НАВАРРО ДОПРОШЕН В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕРИИ А».

На несколько секунд за столом воцарилась тишина.

Лили повернулась к отцу.

— Почему тебя там показывают?

— Потому что тогда полиция меня допрашивала.

— Я знаю, что тебя допрашивали, — нахмурилась Молли. — Но почему тебя снова показывают сейчас?

— Это старые кадры. Новостные каналы используют всё, что у них есть.

— Раздражает.

— Угу.

Клэр взглянула на него. Габриэль снова сел и продолжил есть. Он не выключил телевизор и ничем не показал, что хочет избежать этой темы.

Лили всё ещё смотрела на него.

— Так тебя подозревали?

Клэр уже собиралась ответить, когда Молли сказала:

— Нет. Папа просто ответил на несколько вопросов.

Эллиот заговорил впервые за всё утро.

— Допросы бывают разными.

Молли повернулась к нему.

— И что это должно значить?

— Ничего.

— Ты явно что-то имел в виду.

Эллиот отпил кофе.

— Я говорю, что в репортаже его называют человеком, которого допрашивали. Это не значит, что полиция пригласила его на обычную беседу.

Молли две секунды изучала брата.

— Ты опять читал об этом деле?

Клэр вскинула голову.

— Читал о чём?

Эллиот проигнорировал Молли и поставил чашку.

— Несколько старых статей.

Клэр сразу всё поняла.

— Когда?

— Последние несколько дней.

— Зачем?

— Потому что папа снова попал в новости.

Он произнёс это так, словно ответ был исчерпывающим. Клэр вдруг представила Эллиота пятилетним. Он знал, что у дома стояли полицейские машины. Знал, что Габриэля увезли на допрос, и помнил, как Клэр ушла из дома вместе со всеми тремя детьми. Тогда они считали, что он слишком мал и скоро всё забудет.

Но он явно не забыл.

Молли протянула руку.

— Дай посмотреть.

— Нет.

— Почему?

— Можешь сама поискать.

— Не подталкивай её, — тут же сказала Клэр.

— Я не подталкиваю.

— Ты только что сказал, что она может поискать.

— Может.

Это заставило Клэр замолчать.

Восемнадцать. Шестнадцать. Четырнадцать.

Они больше не были тремя маленькими детьми, которые тринадцать лет назад делали всё, что им велели родители.

Габриэль молчал на протяжении всего разговора. Теперь он посмотрел на Эллиота.

— Что ты нашёл?

Эллиот встретил его взгляд.

— Много старых материалов.

— О чём?

— О Лидии Уоррен.

Пальцы Клэр замерли на кружке с кофе.

Молли тут же спросила:

— Кто это?

Сразу никто не ответил.

Лили тоже посмотрела на Клэр. Она терпеть не могла, когда из ниоткуда появлялось имя, а все взрослые в комнате явно прекрасно знали, кому оно принадлежит.

— Кто она такая?

Клэр поставила чашку.

— Женщина, которую когда-то знал ваш отец.

Молли нахмурилась.

— И всё?

Клэр посмотрела на Габриэля.

Он не стал отвечать за неё.

— В статьях написано, что между ними было нечто большее, — сказал Эллиот.

— Эллиот. — В голосе Клэр прозвучало предупреждение.

— Но я не ошибаюсь.

— Я знаю.

— Тогда почему мы не можем об этом поговорить?

Клэр не сразу нашлась с ответом. Молли нужно было выходить через несколько минут. Лили ждала школа. У Габриэля в восемь тридцать начиналось совещание, а Клэр должна была прийти в свой класс до девяти. Невозможно было объяснить всё, что произошло тринадцать лет назад, за завтраком, который уже почти закончился. Да и сейчас Клэр ненавидела вспоминать, что почувствовала, когда впервые узнала о Лидии.

Габриэль положил салфетку.

— Что вы хотите узнать?

Эллиот ответил не сразу.

Молли переводила взгляд с брата на отца.

— Подождите. Так кем именно была Лидия?

— Мы встречались, — ответил Габриэль.

На этот раз за столом воцарилась настоящая тишина.

Клэр на мгновение закрыла глаза.

По выражению лица Молли было ясно, что она не понимает, почему никогда об этом не слышала. Лили лишь очень медленно спросила:

— До мамы?

— Да.

— Тогда почему она попала в новости?

Габриэль помедлил.

— Позже она исчезла.

Лили растерялась ещё больше.

— И после этого полиция тебя допрашивала?

— Да.

Молли совершенно забыла, что ей пора выходить.

— Но какое это имело отношение к серии А?

Габриэль посмотрел на неё.

— Тринадцать лет назад полиция задавала тот же вопрос.

У Клэр всё оборвалось внутри.

Эллиот больше не произнёс ни слова.

Он лишь смотрел на отца. Наконец Эллиот перевернул телефон экраном вверх. На нём была открыта статья тринадцатилетней давности. Клэр не нужно было наклоняться ближе, чтобы разглядеть в заголовке имя Габриэля рядом с именем Лидии Уоррен.

— Здесь написано, что ты был не просто свидетелем.

Габриэль не стал отрицать.

Эллиот продолжил:

— Здесь сказано, что полиция проверяла, не связан ли ты с серией А.

Молли наконец замолчала.

Лили посмотрела на Клэр, ожидая, что та объяснит, что именно они неправильно поняли.

Клэр ничего не сказала.

Габриэль смотрел на сына.

— И?

Эллиот поднял глаза.

— Папа, ты тоже был подозреваемым?

ГЛАВА 2

Версия, которую он рассказал детям
Габриэль не отвёл взгляда от Эллиота.

— Да.

Молли застыла, мгновенно забыв, что ещё несколько секунд назад куда-то торопилась.

— Подожди. В каком смысле — да?

Лили ничего не сказала. Она лишь смотрела на отца.

Первым порывом Клэр было проверить время. Семь сорок три. Если Молли не выйдет сейчас, она опоздает. Плакат Лили всё ещё лежал наверху, у Эллиота в девять начинались занятия, и за пятнадцать минут никак нельзя было объяснить всё, что произошло тринадцать лет назад.

— Сначала идите в школу, — сказала Клэр.

Молли тут же нахмурилась.

— Мам.

— Я не говорю, что мы вам ничего не расскажем. Сейчас правда нет времени. — Клэр указала в сторону лестницы. — Лили, принеси плакат. Молли, надевай обувь. Вечером, когда вы обе вернётесь, мы поговорим все вместе.

— Почему нельзя прямо сейчас рассказать хотя бы самое важное?

— Потому что к твоему «самому важному» обычно прилагается ещё двадцать вопросов.

— Потому что вы всегда рассказываете нам только половину.

Клэр замолчала. Кажется, Молли поняла, что попала в больное место, потому что выражение её лица постепенно изменилось. Габриэль взял ключи.

— Мама права. Поговорим вечером.

Эллиот остался сидеть.

— Вы расскажете правду?

Габриэль посмотрел на него.

— Выдуманную версию я вам рассказывать не стану.

— Но расскажешь только часть?

Клэр на мгновение закрыла глаза. Этот вопрос был ей слишком хорошо знаком.

Габриэль ответил не сразу.

— На некоторые вопросы мне не захочется отвечать.

Брови Эллиота слегка сдвинулись, но дальше настаивать он не стал. По крайней мере, на этот раз Габриэль не сказал: «Тебе не нужно этого знать».

В семь вечера все пятеро собрались в гостиной. Клэр хотела выключить телевизор, но Молли возразила, что тогда всё будет слишком похоже на официальное семейное собрание. В итоге телевизор оставили включённым, только убрали звук. Лили сидела на ковре, обнимая диванную подушку. Молли устроилась на другом конце дивана, скрестив ноги, а Эллиот выбрал самое дальнее кресло. Габриэль не встал и не принял вид человека, который собирается сделать серьёзное заявление. Он просто сел рядом с Клэр.

Молли начала первой.

— Значит, Лидия была твоей бывшей девушкой.

— Да.

— Мама о ней знала?

— Сначала нет, — ответила Клэр.

— Ты не знала до свадьбы?

Клэр покачала головой.

— Узнала тринадцать лет назад.

Выражение лица Молли полностью изменилось.

— Но тогда у вас уже были мы.

— Да.

Лили посмотрела на свои руки.

— Значит, папа тебе так и не рассказал?

Габриэль ответил сам:

— Нет.

— Почему?

— Потому что не хотел.

Молли сразу нахмурилась.

— Это не причина.

— Причина. Просто неуважительная.

Клэр посмотрела на него. Тринадцать лет назад, чтобы добиться от Габриэля такого признания, ей пришлось бы спорить с ним всю ночь.

Эллиот спросил:

— Что случилось с Лидией?

Габриэль несколько мгновений молчал.

— Она исчезла.

— Ты был последним, кто её видел?

— Одним из последних.

— В день её исчезновения?

— Да.

Молли уставилась на него.

— Поэтому полиция тебя подозревала?

— Это была одна из причин.

Эллиот не пропустил такую формулировку.

— А какие были другие?

Габриэль откинулся на спинку дивана, словно решая, с чего начать.

— У Лидии был брат, Сэмюэл Уоррен. Много лет спустя он вернулся, чтобы найти её. Он обнаружил старые вещи, в которых упоминалось моё имя, и узнал, что мы с Лидией были знакомы.

— А потом Сэмюэл тоже умер, — сказал Эллиот.

Молли повернулась к нему.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Из новостей.

Габриэль продолжил:

— Сэмюэла убил Джулиан Мерсер. Когда полиция расследовала его смерть, дело об исчезновении Лидии открыли заново. В нём снова появилось моё имя.

Лили спросила:

— Но разве Джулиан не был серийным убийцей?

— Был.

— Тогда разве они не знали, кто убил всех остальных?

— То, что Джулиана признали виновным в убийствах, ещё не означало, что на него автоматически можно списать каждое нераскрытое дело, — ответила Клэр, стараясь объяснить как можно проще.

Ответ явно не понравился Лили.

— Но разве его не приговорили к смертной казни?

— Потому что полиция доказала, что он убил Сэмюэла и ещё нескольких человек. В суде так и не удалось доказать, что во всех шести делах серии А виновен Джулиан.

Молли посмотрела на отца.

— Значит, полиция думала, что это мог быть ты?

Габриэль кивнул.

— Меня проверяли.

— Почему именно тебя?

Клэр поняла, что они добрались до самого трудного. Не успела она заговорить, как Габриэль ответил:

— Потому что я кое-что скрывал.

Выражение лица Молли ясно говорило: «Ну вот, опять».

— Кроме Лидии?

— Вашу мать.

Все трое детей посмотрели на Клэр.

Она невесело улыбнулась.

— Я-то ничего не сделала.

Габриэль не заставил её объяснять за него.

— Ещё до того, как мы с вашей матерью официально познакомились, я уже её заметил. Я знал некоторые места, куда она ходила. И фотографировал её.

Лили медленно выпрямилась.

— Ты тайком фотографировал маму?

— Да.

— Зачем?

Габриэль помедлил.

— Потому что хотел с ней познакомиться.

Молли смотрела на него так, словно только что узнала, что её отец способен на нечто совершенно ненормальное.

— Это было жутко.

— Да.

Она явно ожидала, что он начнёт спорить. Его согласие остановило все слова, которые она собиралась сказать следом.

— Я узнала об этом только тринадцать лет назад, — сказала Клэр. — Мы ужасно поссорились. Я забрала вас и на некоторое время ушла.

Эллот резко поднял голову.

— К бабушке.

Клэр повернулась к нему.

— Я помню, — сказал он. — Не всё. Помню, как мы там ночевали, а папы с нами не было.

Молли явно ничего не помнила, а Лили и не могла помнить. Клэр кивнула.

— Тебе было пять.

— И полиция приходила к нам домой.

— Да.

Эллот посмотрел на Габриэля.

— Они обыскивали дом?

— Да.

— Что они искали?

— Всё, что могло связать меня с Лидией, Сэмюэлом или серией А.

— Нашли?

— Нет.

Молли ответила почти мгновенно:

— Значит, ничего и не было.

Эллиот покосился на сестру.

— «Ничего не нашли» и «ничего не произошло» — разные утверждения.

— Ты вообще на чьей стороне?

— Я не принимаю ничью сторону.

— Ты говоришь так, будто...

— Молли, — перебила Клэр. — Он имеет право задавать вопросы.

Молли скрестила руки и недовольно откинулась назад. Лили всё это время почти не говорила. Немного погодя она спросила Клэр:

— Ты думала, что папа мог кого-то убить?

В комнате воцарилась тишина.

Клэр не посмотрела на Габриэля.

— Какое-то время — да.

Молли резко повернулась к ней.

— Мам.

— Вы попросили рассказать правду, и я говорю правду. Тогда я знала слишком много вещей, которым трудно было найти объяснение. Я вернулась домой не потому, что всё вдруг показалось мне нормальным.

— Тогда почему ты вернулась?

— Потому что у полиции не было доказательств того, что ваш отец кого-то убил. И потому что некоторые вещи, происходившие между нами, не означали, что он способен причинить вред кому-либо из вас.

Молли всё ещё не могла этого принять.

— Но ты только что сказала, что подозревала его.

— Подозревать и знать — не одно и то же.

Эллиот наконец снова посмотрел на отца.

— А что насчёт Лидии?

Габриэль поднял глаза.

— Когда ты видел её в последний раз, с ней всё было хорошо?

У Клэр тяжело сжалось сердце. Вопрос оказался слишком близок ко всем тем вопросам, которые тринадцать лет назад просто остались без ответа.

Габриэль промолчал.

Эллиот подождал.

— Папа?

— Я не хочу отвечать на этот вопрос.

— Почему? — потребовала Молли.

— Потому что не хочу.

— Но ты сказал, что расскажешь правду.

— Это и есть правда.

Молли смотрела на него в ярости.

— Как это вообще может считаться ответом?

Клэр ничего не сказала. Она лишь смотрела на Габриэля.

Тринадцать лет назад он мог бы сказать детям: «Вам не нужно этого знать».

Теперь он говорил: «Я не хочу отвечать».

Разница казалась небольшой. Но Клэр знала, сколько лет лежало между этими двумя фразами.

Лили тихо спросила:

— Значит, ты знаешь ответ?

Габриэль посмотрел на неё.

— Да.

Больше никто ничего не спросил.

Разговор закончился, хотя Молли явно осталась недовольна. Она потащила Эллиота наверх, требуя сказать, сколько именно старых статей он прочёл. Лили ушла последней. Проходя мимо Клэр, она остановилась.

— Мам?

— М-м?

— Тогда тебе было очень грустно?

В улыбке Клэр были усталость и беспомощность.

— Очень.

Лили кивнула, словно это было единственное, в чём ей требовалось убедиться. Когда она поднялась наверх, Клэр поняла, что Габриэль так и не сдвинулся со своего места на диване.

Она уже собиралась заговорить, когда зазвонил телефон.

На экране высветилось имя, которое за тринадцать лет так и не исчезло из её жизни окончательно.

Элена Круз.

Клэр ответила:

— Аллю?

— Клэр, это я. Прости, что звоню так поздно.

Клэр посмотрела на Габриэля.

Элена продолжила:

— В связи с делом Грэма Холта мы хотели бы провести несколько дополнительных бесед по старому расследованию. Речь не идёт об аресте, новых обвинений тоже нет. Если Габриэль согласен, он мог бы приехать завтра после обеда?

Клэр ответила не сразу.

Габриэль уже всё понял по выражению её лица.

То, что они считали законченным тринадцать лет назад, наконец вернулось.

ГЛАВА 3

Тринадцать лет спустя

На следующее утро Габриэль, как обычно, отправился на работу в Asteron.

Клэр спросила, не стоит ли ему взять выходной. Он лишь заметил, что беседа назначена на три часа дня и нет смысла тратить впустую целый день. Ответ был совершенно в духе Габриэля. Даже если после обеда полиция собиралась спросить, не серийный ли он убийца, утром он всё равно сначала закончил бы все запланированные тесты.

Вскоре после одиннадцати внутренняя сборка была готова к проверке перед релизом. Габриэль выслушал объяснения разработчика в комнате для совещаний, затем открыл последние две страницы протокола тестирования.

— Регрессионное тестирование повторной попытки платежа провели?

Разработчик, сидевший напротив, замялся.

— Основные сценарии проверили.

— Я спросил о регрессионном тестировании.

— Осталось два крайних случая. Сегодня закончим.

Габриэль подвинул отчёт обратно через стол.

— Тогда я пока не могу его утвердить.

Эрик, сидевший рядом, рассмеялся.

— Я знал, что ты это заметишь.

— Я ничего не заметил. Работа просто не закончена.

— Знаю. Я лишь хотел сказать, что за тринадцать лет ты совсем не изменился.

Габриэль посмотрел на него.

— Ты знаешь меня пять лет.

Эрик моргнул, а потом снова рассмеялся.

— Ладно. Справедливо.

После совещания Эрик вышел следом за ним в коридор. Несколько секунд он явно спорил сам с собой.

— Слушай, насчёт новостей...

Габриэль замер.

— Неважно, если ты не хочешь об этом говорить.

— Тогда не будем.

Эрика во второй раз заставили замолчать.

— Хорошо. Я просто хотел сказать, что здесь никто... Ладно, неважно. Так звучит ещё страннее.

Уголок рта Габриэля дрогнул.

— Я понял, что ты имел в виду.

Эрик заметно расслабился.

— Хорошо.

Габриэль ушёл с работы в половине третьего. Клэр уже ждала возле полицейского участка. Прошло тринадцать лет. Здание отремонтировали, линии на парковке перекрасили, но, когда она вышла из машины, все самые тяжёлые дни её тридцатилетия словно поднялись из асфальта под ногами.

Габриэль встал рядом.

— Тебе необязательно заходить.

Клэр повернулась к нему.

— Я уже приехала.

— Я имею в виду — если ты не хочешь.

— Я поняла.

Они вошли вместе.

Элена Круз уже не была детективом отдела тяжких преступлений, какой Клэр её помнила. Теперь на табличке у кабинета значилось: «ЛЕЙТЕНАНТ — ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА ПО НЕРАСКРЫТЫМ ДЕЛАМ И ТЯЖКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ». В её волосах стало больше седины, хотя выражение лица почти не изменилось. Джона Рид тоже был здесь и выглядел гораздо старше, чем помнила Клэр. Рядом со столом сидела третья женщина. На вид ей было около тридцати; короткие волосы, внимательный и ясный взгляд.

— Элена, — первой заговорила Клэр.

— Тринадцать лет. — Элена поднялась и пожала ей руку, затем посмотрела на Габриэля.
— Тебя всё ещё легко узнать.

— Тебя тоже, — ответил Габриэль.

Джона рассмеялся у неё за спиной.

— Это был комплимент?

— Факт.

— Всё такой же.

Элена представила вторую женщину.

— Детектив Майя Торрес. Тринадцать лет назад она не участвовала в расследовании.

Майя пожала им руки.

— Свежий взгляд. По крайней мере, в теории.

— В теории? — спросила Клэр.

— После нескольких тысяч страниц старых отчётов свежесть довольно быстро проходит.

Клэр невольно улыбнулась. По крайней мере, не все в комнате собирались сковать воздух холодом, как только они сядут.

Официальная беседа проходила в небольшой комнате для совещаний. Сначала Элена объяснила, что это лишь дополнительный опрос. Новых обвинений нет, и никаких оснований удерживать Габриэля у них тоже нет. Клэр сидела рядом и не ответила за мужа ни на один вопрос.

Начала Майя.

— Вы знаете Грэма Холта?

— Нет.

— Вы когда-нибудь с ним встречались?

— Не могу сказать наверняка.

— Что это значит?

— За эти годы Asteron пользовалась услугами разных сторонних охранных компаний. Я видел название Holt Protective Services, но не знаю, присутствовали ли мы с Грэмом когда-нибудь на одном совещании или мероприятии.

— По работе вы могли напрямую контактировать с его компанией?

— Обычно нет. Чаще с ними взаимодействовали бы административно-хозяйственный отдел, отдел закупок и служба безопасности здания.

Майя кивнула.

— Вы знали о деле, связанном с ним пять лет назад?

— Видел новости, когда это произошло.

— Что вы помните?

— Бывший сотрудник вступил в драку с Холтом и несколькими работниками его охраны, а затем умер. Доказательств, позволявших установить, кто нанёс смертельную травму, оказалось недостаточно, поэтому Холту не предъявили обвинение.

Джона поднял глаза.

— Вы помните довольно много.

— Об этом много говорили.

— А события тринадцатилетней давности вы помните так же хорошо?

Габриэль посмотрел на него.

— Некоторые.

— Лидию Уоррен?

Пальцы Клэр медленно сжались.

— Её я помню, — ответил Габриэль.

— Вы хотели бы изменить что-нибудь в показаниях, которые дали нам тринадцать лет назад?

— Нет.

— В рассказе о вашей последней встрече с ней?

— Нет.

Джона нахмурился.

— Я спрашиваю, изменилась ли ваша версия.

— Не изменилась.

Майя взглянула на него и впервые по-настоящему поняла проблему, которая снова и снова возникала в старых отчётах. Габриэль точно отвечал на то предложение, которое содержало вопрос. И никогда добровольно не произносил предложение, которое должно было следовать дальше.

Она перевернула страницу.

— Во время вашей последней встречи Лидия вам угрожала?

— Нет.

— Она говорила, что собирается найти Клэр?

Габриэль замешкался на долю секунды.

— Она упомянула Клэр.

Клэр повернулась к нему.

Майя сразу продолжила:

— Что именно она сказала?

— Это был личный разговор.

— Тринадцать лет назад вы тоже отказались отвечать.

— Да.

— И спустя тринадцать лет по-прежнему ничего нам не скажете?

— Верно.

Джона откинулся назад.

— Лидия числится пропавшей больше двадцати лет. Чью личную жизнь вы всё ещё защищаете?

Габриэль встретил его взгляд.

— Её.

На две секунды в комнате повисла тишина.

Ответ явно не понравился Джоне.

— Вы серьёзно считаете, что женщине, которая, возможно, мертва больше двадцати лет, всё ещё есть до этого дело?

Габриэль не поддался на провокацию.

— Я не знаю, есть ли ей до этого дело.

— Тогда почему...

Элена подняла руку. Джона остановился.

Майя сменила направление.

— Во время последней встречи вы с Лидией поссорились?

— У нас возникли разногласия.

— Серьёзные?

— Возможно, для неё.

— А для вас?

Габриэль обдумал вопрос.

— В тот момент они не казались серьёзными.

Взгляд Клэр медленно опустился к столу.

Ответ вызвал у неё глубокое беспокойство, хотя она не смогла бы точно объяснить почему.

Затем разговор снова вернулся к Грэму. Габриэль не был знаком с ним лично, не звонил ему, не общался с ним вне работы, и даже прямой рабочий контакт подтвердить не удалось. Позже Аарон Белл принёс предварительный отчёт по цифровой экспертизе. Он мог сказать лишь одно: никаких прямых сообщений между Грэмом и Габриэлем они не обнаружили. Теперь Аарон возглавлял отдел цифровой криминалистики и стал ещё молчаливее, чем тринадцать лет назад. Увидев Клэр, он лишь кивнул в знак приветствия.

Незадолго до окончания беседы Майя спросила:

— Вы не возражаете, если я задам вопрос, которого нет в стандартной анкете?

Габриэль посмотрел на неё.

— Задавайте.

— Почему тринадцать лет назад ваше имя появлялось в стольких разных местах? Лидия вас знала. Сэмюэл собирал о вас сведения. Джулиан собирал о вас сведения. Во время расследования серии А вашу хронологию неоднократно проверяли. Ничего так и не доказали, но ваше имя всё время возвращалось. Как вы это объясняете?

Габриэль молчал несколько секунд.

— Несколько обстоятельств наложились друг на друга.

— Вы считаете, что дело только в этом?

— Вы спросили, как я это объясняю. Другого ответа у меня нет.

Элена закрыла папку.

— На сегодня достаточно.

Когда они вышли из участка, Клэр не сказала ни слова. Габриэль открыл перед ней дверцу машины, но она осталась стоять на месте.

— Что такое? — спросил он.

— Ты правда совсем на них не злишься?

— На кого?

— На полицию. Прошло тринадцать лет, а они снова вызывают тебя и задают те же вопросы.

Габриэль задумался.

— На их месте я бы тоже возобновил расследование.

Клэр всматривалась в его лицо.

— Правда?

— Произошла новая смерть, которая может быть похожа на старые дела серии А. Разумно заново проверить людей, попавших под подозрение в прошлый раз.

— В том числе тебя?

— В том числе меня.

Клэр не понимала, почему этот ответ её не успокоил.

В участке Майя дождалась, когда дверь полностью закроется.

— Почему тринадцать лет назад вы перестали за ним следить?

Джона коротко рассмеялся.

— Думаете, мы за ним не следили?

— Я имею в виду — почему это прекратилось?

Элена положила записи беседы обратно на стол.

— Потому что расследование строится не на том, кто вызывает у вас тревогу.

Майя промолчала.

— У нас были причины его подозревать, — продолжила Элена. — Много причин. Проблема в том, что каждая ниточка приводила в одно и то же место.

— Куда?

— К подозрениям.

Майя посмотрела на фотографию Габриэля, лежавшую на столе.

Элена произнесла:

— Подозрение — не доказательство.

ГЛАВА 4

На этот раз дети всё услышали

Ханна только что закончила ночную смену и всё равно нашла в себе силы раскритиковать завтрак Клэр. Уже одно это было очень в духе Ханны.

Они сидели в кофейне неподалёку от больницы. Ханна посмотрела на половину маффина на тарелке Клэр.

— И это всё, что ты собираешься съесть?

— Я ела утром.

— Что?

— Тост.

— Тост — не завтрак. Ты прошла мимо завтрака и помахала ему рукой.

Клэр улыбнулась.

— Ты каждый день так же действуешь на нервы своим пациентам?

— Мои пациенты хотя бы знают, зачем сидят передо мной. Ты всегда начинаешь со слов «ничего не случилось», а потом двадцать минут объясняешь, что именно случилось.

Клэр опустила взгляд к кофе.

Ханна перестала шутить.

— Вчера полиция разговаривала с Габриэлем?

— Угу.

— Как всё прошло?

— Они спрашивали о Грэме. Потом снова о Лидии.

— Значит, всё то же старое.

— Более или менее.

Ханна откинулась на спинку стула.

— Чего ты боишься теперь?

Клэр нахмурилась.

— Почему ты решила, что я боюсь?

— Ты пьёшь этот кофе уже десять минут, а чашка так и не сдвинулась с места.

Клэр посмотрела на свою руку.

— Тринадцать лет назад у тебя были веские причины бояться, — сказала Ханна. — Ты внезапно узнала, что до знакомства муж тайком тебя фотографировал, а его бывшая девушка, о которой ты никогда не слышала, исчезла. Что происходит сейчас?

— Умер ещё один человек.

— Да. Но Габриэль его не убивал. По крайней мере, сейчас ничто не доказывает, что он вообще к этому причастен.

Клэр не ответила.

Ханна наблюдала за ней.

— Ты сама возвращаешь себя на тринадцать лет назад.

— Дети знают.

Выражение лица Ханны изменилось.

— Насколько много?

— О Лидии. О том, что полиция подозревала Габриэля. И что он следил за мной до нашего знакомства.

— Габриэль рассказал им всё?

— Мы рассказали вместе.

Ханна кивнула.

— Хорошо.

Клэр невесело улыбнулась.

— Молли злится, потому что считает, будто все безосновательно обвиняют её отца. Лили всё спрашивает, почему тогда я не ушла от него навсегда. А Эллиот... — Она умолкла.

— Что Эллиот?

— Он слишком тихий.

Ханна коротко рассмеялась.

— Он всегда был тихим.

— Но не так.

— Откуда ты знаешь?

— Я его мать.

— Справедливо.

Клэр повернула чашку.

— Он ведёт собственное расследование.

— Разумеется.

— Почему ты говоришь так, словно всё очень просто?

— Потому что ему восемнадцать, а не восемь. Ты говоришь, что когда-то полиция расследовала, не был ли его отец серийным убийцей, а потом ждёшь, что он поднимется наверх и сядет играть в видеоигры?

Клэр не нашлась с ответом.

Ханна подвинула к ней оставшуюся половину маффина.

— Всё, что ты можешь сделать, — перестать относиться к нему как к пятилетнему. Если он что-нибудь найдёт, то вернётся и спросит тебя. Ты не можешь заранее решать, какие факты причинят ему боль.

Клэр подняла глаза.

— Почему с каждым годом ты говоришь всё больше как Габриэль?

Лицо Ханны исказилось от неподдельного отвращения.

— Забери свои слова обратно.

Клэр наконец рассмеялась.

В этот момент завибрировал её телефон. Звонил не Габриэль. Это была Молли.

«Мам. Позвони мне».

Сразу пришло второе сообщение.

«Сейчас».

Улыбка исчезла с лица Клэр.

Она позвонила. Молли ответила, едва успел закончиться первый гудок.

— Мам, только не сердись сразу.

— Когда ты начинаешь с этих слов, я обычно сержусь ещё сильнее.

— Это не я.

— Что случилось?

На заднем плане было шумно — скорее всего, Молли находилась в школьном коридоре. Она понизила голос.

— Люди рассылают старые фотографии папы.

Клэр закрыла глаза.

— Какие фотографии?

— Кадры из новостей. И мемы.

— Не спорь с ними.

— Я не спорила.

За столом напротив Ханна подняла обе брови.

Клэр заметила.

— Правда не спорила?

Молли замялась.

— Я кое-что сказала.

— Что именно?

— Они называли его Папой-Серийным-Убийцей, а я сказала, что ему никогда не предъявляли обвинений.

Клэр крепче сжала телефон.

— Молли.

— Я ведь не ошиблась.

— Я знаю, что ты не ошиблась. Но не надо из-за этого ввязываться в интернет-ссору с толпой.

— Значит, мне просто позволить им говорить всё, что вздумается?

— Нет. Сохраняй скриншоты. Если кто-то начнёт нападать лично на тебя или Лили, скажи учителю.

Молли замолчала.

Клэр сразу это услышала.

— Что случилось с Лили?

— С ней всё хорошо.

— Молли.

— Кто-то спросил, правда ли папа убивал людей.

По груди Клэр разлился холод.

— Где она?

— В кабинете рисования. Она просила тебе не звонить.

— Ну конечно.

— Мам, не приезжай в школу.

— Я не говорила, что собираюсь.

— У тебя тот голос, которым ты говоришь, когда именно это и собираешься сделать.

Клэр снова закрыла глаза.

Ханна уже взяла свой телефон. Она быстро написала Нейтану и встала.

— Иди. Я допью твой кофе, чтобы ты хотя бы его не потратила впустую.

Клэр схватила сумку.

— Разве ты не собиралась спать после обеда?

— Собиралась. Сегодня Ноа заберёт Нейтан. Обо мне можешь не беспокоиться.

Клэр дошла до двери, затем обернулась.

— Спасибо.

— В следующий раз купишь мне нормальный обед.

Ничего из случившегося в школе не требовало вмешательства полиции. Никто не трогал Лили и не угрожал ей. Просто группа четырнадцати- и пятнадцатилетних подростков отнеслась к новостям тринадцатилетней давности как к свежему развлечению. Учителя уже знали, что мамы расходятся по школе, и начали разбираться.

Лили сидела за последним столом в кабинете рисования и что-то чертила. Когда Клэр вошла, она не подняла головы.

— Молли тебе рассказала.

— Угу.

— Я знала, что расскажет.

Клэр села рядом.

— Ты в порядке?

— Всё нормально.

— К тебе приставали?

— Два человека.

— Что они сказали?

Лили стёрла с бумаги одну линию.

— Спросили, убивал ли папа людей. А кто-то ещё сказал, что, если серия А и правда вернулась, возможно, это он.

У Клэр сжалось в груди.

— Что ты ответила?

— Что это не он.

— А потом?

— Они спросили, откуда я знаю.

Клэр ответила не сразу.

Наконец Лили подняла взгляд.

— Ты ведь тоже не знаешь, правда?

Взгляд четырнадцатилетнего ребёнка был слишком прямым.

Клэр не стала лгать.

— Я знаю, что тринадцать лет назад полиция не нашла доказательств того, что это сделал твой отец.

— Я спросила не это.

— Я знаю.

Лили немного посмотрела на неё, затем вернулась к рисунку.

— Ты спрашивала его раньше?

— Да.

— Он ответил?

Клэр помедлила.

— На некоторые вопросы. Не на все.

Карандаш Лили замер.

— Наверное, тебе было очень грустно.

Клэр ожидала нового вопроса о том, что сказал Габриэль. Но не такого.

— Да, — ответила она. — Было.

Больше Лили ничего не спросила.

Когда они вернулись домой, Молли ждала в гостиной. Едва увидев Клэр, она объявила:

— Люди в школе такие тупые.

— Не входи в дом, сразу начиная всех оскорблять.

— Но...

— Я не сказала, что они не тупые. Я сказала: не начинай оскорблять их в ту же секунду, когда переступаешь порог.

Молли уставилась на неё.

— А какая разница?

Клэр поставила сумку.

— Огромная.

На этот раз рассмеялась даже Лили.

К тому времени, когда вечером позвонила Нора, история уже добралась до родительских чатов. Первым делом она сказала:

— Я всего лишь хотела спросить, не хотите ли вы поужинать вместе на выходных. Судя по всему, ситуация успела выйти из-под контроля.

— Ты тоже это видела?

— Кто-то опубликовал старые кадры в местной группе. Мама уже собиралась позвонить в участок и накричать на них, пока папа её не остановил.

Клэр прислонилась к кухонной стойке.

— Очень на неё похоже.

— Ты в порядке?

— Пока жива.

— Такой ответ обычно означает, что нет.

Клэр тихо рассмеялась.

Нора не стала давить.

— Дети уже выросли, Клэр. Нельзя вечно рассказывать им только самую безопасную версию.

Клэр посмотрела в сторону гостиной. Габриэль только что вернулся домой, и Лили рассказывала ему о случившемся в школе. Молли стояла рядом и волновалась сильнее той, с кем всё произошло. Габриэль лишь слушал. Он не начал сразу требовать имена и не потянулся за ключами, собираясь ехать в школу.

— Я знаю, — тихо ответила Клэр.

Знать и быть готовой никогда не означало одно и то же.

ГЛАВА 5

Никто не произнёс этого вслух

В пятницу утром дом впервые за всю неделю выглядел нормально.

По крайней мере, у Молли хватало сил спорить со всеми из-за того, что она не могла найти наушники. Лили в последнюю минуту обнаружила, что Клэр должна подписать бланк разрешения. Эллиот стоял перед холодильником, допил молоко и поставил пустой пакет обратно. Габриэль заметил это от плиты.

— Пустой.

Эллиот оглянулся.

— Через минуту выброшу.

— Сейчас у тебя в руках ничего нет.

Эллиот достал пакет и бросил в контейнер для вторсырья.

— Доволен?

— Очень.

Молли сказала:

— Вы с каждым днём всё больше похожи на пожилую супружескую пару.

Клэр подняла голову.

— Откуда у тебя такое сравнение?

— Они всё время разговаривают о скучных вещах.

Эллиот выдвинул стул.

— Вчера ты сорок минут рассказывала о чехле для телефона.

— Это другое.

— Разумеется.

Габриэль поставил на стол завтрак и не стал вмешиваться.

Клэр смотрела, как они вчетвером разговаривают, и вдруг поняла, насколько сильно ей было нужно такое утро. Новости не показывали. Никто не упоминал серию А и не спрашивал о Лидии. По крайней мере двадцать минут они были просто обычной, слегка шумной семьёй.

Нормальная жизнь в Asteron продлилась до десяти.

Когда Габриэль вышел из комнаты, где проходила проверка, Эрик стоял, прислонившись к торговому автомату. Увидев Габриэля, он изменился в лице.

— Привет.

— Привет.

— Вчера у полицейского участка... кто-то тебя сфотографировал.

Габриэль замер.

Эрик торопливо добавил:

— Я сам не искал. Кто-то выложил фотографию в местной группе.

— Хорошо.

— Ты не злишься?

— На кого?

Эрик не нашёлся с ответом.

— Не знаю. На того, кто её опубликовал?

— Парковка общественная.

— За тебя очень трудно злиться.

Габриэль посмотрел на него.

— Ты хочешь злиться?

— Нет. Я лишь имею в виду: если бы люди постоянно вытаскивали на свет какую-то мою историю тринадцатилетней давности, меня бы это раздражало.

— Это раздражает.

Эрик изучающе посмотрел на него, словно наконец получил нормальную человеческую реакцию.

— Хорошо. Значит, эта функция у тебя ещё работает.

Уголок рта Габриэля дрогнул, и он продолжил путь к комнате для совещаний.

Из-за новостей дневная проверка релиза не стала драматичнее. При регрессионном тестировании одного модуля пропустили две группы условий. Ответственный сотрудник хотел получить одобрение сейчас и обещал закончить тесты вечером. Габриэль отказался.

— Риск невелик, — сказал мужчина.

— Тогда закончить тесты будет недолго.

— Ты понимаешь, о чём я.

— Понимаю. Всё равно закончите.

Больше никто не спорил.

Когда Габриэль вернулся к своему столу, на телефоне его ждало сообщение от Клэр.

«Сегодня в школе было лучше. Лили осталась в художественном кружке».

Он ответил:

«Хорошо».

Через несколько секунд Клэр прислала ещё одно сообщение.

«Молли говорит, что ни с кем не спорила. Я ей не верю».

Габриэль задумался.

«Я тоже».

Клэр тут же отправила улыбающийся смайлик.

За ужином Эллиот неожиданно произнёс:

— Полиция, скорее всего, продолжит проверять папу.

Вилка Молли замерла.

— Зачем тебе обязательно было об этом говорить?

— Потому что это правда.

— Они допрашивали его вчера.

— Одна беседа ещё не означает, что всё закончилось.

— Чего именно ты добиваешься?

Эллиот нахмурился.

— Я ничего не добиваюсь.

— В последнее время каждый раз, когда ты говоришь, звучит так, словно с папой что-то не так.

— Я такого не говорил. Я сказал, что полиция может продолжить расследование.

Молли положила вилку.

— Люди в школе и правда думают, что он это сделал, потому что все постоянно говорят подобные вещи.

Габриэль некоторое время слушал их, прежде чем заговорить.

— Эллиот прав.

Молли тут же повернулась к нему.

— Папа.

— На месте полиции я бы тоже проверил людей, которых расследовали раньше.

— Но ты ведь знаешь, что ничего не делал.

Под столом рука Клэр напряглась.

Габриэль ответил без колебаний:

— Полиция не может закрыть расследование только потому, что я так говорю.

— А чего тогда будет достаточно?

— Доказательств.

Эллиот посмотрел на него.

Молли по-прежнему казалась неубеждённой.

— Это несправедливо.

— Иногда расследования заставляют невиновных людей чувствовать себя неудобно.

Клэр посмотрела на мужа.

Утверждение звучало совершенно нормально. Настолько нормально, что она не могла объяснить едва уловимое ощущение неправильности, оставшееся после этих слов.

Лили всё это время молчала. Теперь она тихо спросила:

— Если все думают, что с человеком что-то не так, но доказательств нет, чьё мнение должно иметь значение?

— Твоё собственное, — немедленно ответила Молли.

Эллиот посмотрел на неё.

— Ты даже не дослушала вопрос.

— Дослушала.

— Она спрашивала...

— Оба прекратите. — Клэр прижала пальцы ко лбу.

Габриэль посмотрел на Лили.

— Ты спрашиваешь, имеет ли значение, что обо мне думают другие?

Лили кивнула.

— Тогда не имеет.

— Совсем?

— Нет. — Габриэль задумался. — Мнение некоторых людей важно.

— Чьё?

— Твоё. Всех вас троих.

Молли выглядела более удовлетворённой.

— Вот видишь?

Лили спросила:

— А мамино?

На этот раз Габриэль не сразу посмотрел на Клэр.

Затем сказал:

— Её — особенно.

Клэр подняла глаза.

Вскоре Молли увела разговор в другую сторону. Она начала добиваться, чтобы в эти выходные ей разрешили вернуться домой на полчаса позже. Эллиот заметил, что она торгуется о времени возвращения, хотя ещё даже не получила полноценные водительские права, и Лили рассмеялась. Обычные слова «её — особенно» быстро утонули среди других голосов.

Когда вечером дети поднялись наверх, Клэр нашла Габриэля на кухне. Он расставлял чистые чашки по шкафу. Некоторое время она наблюдала за ним из дверного проёма, затем спросила:

— Почему ты это сказал?

Габриэль обернулся.

— Что именно?

— Что моё мнение особенно важно.

— Потому что так и есть.

— И всё?

— Какого ответа ты хотела?

Клэр вошла на кухню и прислонилась к островку.

— Не знаю. Возможно, чего-нибудь более романтического.

Габриэль подумал.

— Ты моя жена.

Клэр уставилась на него.

— Это совсем не романтично.

— Знаю.

Наконец она рассмеялась.

— Иногда ты безнадёжен.

Габриэль убрал последнюю чашку.

— Но ты понимаешь, что я имею в виду.

Улыбка Клэр медленно исчезла.

Конечно, она понимала.

Именно поэтому всё случившееся на этой неделе причиняло такую боль.

— Габриэль.

— М-м?

Она хотела спросить: «Если моё мнение так важно, почему тринадцать лет назад ты предпочёл скрыть от меня столько всего?»

Вместо этого она протянула руку и завернула манжету его рубашки немного выше.

— Ничего.

Габриэль несколько секунд смотрел на неё и не стал спрашивать.

На кухне снова воцарилась тишина.

Нельзя было сказать, что этот вопрос никому не приходил в голову.

Просто пока никто не произнёс его вслух.

ГЛАВА 6

Жизнь всё равно продолжалась

В субботу утром Клэр спустилась почти на час позже обычного. Молли уже заняла половину обеденного стола. Перед ней лежало открытое пособие для подготовки к экзамену на водительские права. В одной руке она держала ручку, в другой — тост и сердито смотрела на вопросы, словно их составили специально, чтобы напасть на неё лично.

— Почему я должна запоминать, за сколько футов от чего можно парковаться? — потребовала она. — Разве нормальный человек и правда знает, в пятнадцати он футах от пожарного гидранта или в шестнадцати?

Габриэль стоял у столешницы и нарезал фрукты.

— Это будет на экзамене.

— Я спрашивала о нормальных людях.

— После экзамена можешь забыть число.

Молли подняла голову.

— Ты советуешь мне всё забыть, как только я сдам?

— Число. Не правило.

Клэр выдвинула стул.

— Не спорь об этом с отцом. Он способен продолжать до самого обеда.

— Вот именно. — Молли указала на неё. — Нужно было сразу спросить маму.

Габриэль подвинул к дочери тарелку с нарезанными яблоками.

— Ты уже десять минут спрашиваешь меня.

— Потому что ты продолжал отвечать.

Лили сидела на другой стороне стола со спутанными волосами и явно ещё не до конца проснулась. Она потянулась за последней клубникой. Молли сразу заметила.

— Эй. Она была моя.

Лили посмотрела на ягоду, уже оказавшуюся у неё во рту.

— Уже нет.

Молли уставилась на неё.

— Ты становишься всё злее.

Лили продолжила жевать.

Клэр пила кофе и смотрела, как они спорят, внезапно испытывая благодарность за такую бессмысленную ссору. Почти каждый день прошедшей недели вращался вокруг Грэма Холта, старых новостей или расследования тринадцатилетней давности. Сегодня телевизор был выключен. Никто не упоминал серию А. Даже Габриэль за завтраком не проверял новости в телефоне. Ничто не исчезло. Просто пока оно отодвинулось за остальную часть их жизни.

Эллиот спустился позже с ноутбуком в руках. Он отложил его, не открывая, и подошёл к холодильнику за водой. Клэр заметила, но удержалась от вопроса. Она начинала понимать: если каждый раз при виде компьютера Эллиота спрашивать, что он теперь читает, рано или поздно он вообще перестанет ей что-либо рассказывать.

Когда Эллиот сел, вопрос задал Габриэль.

— Всё ещё читаешь старые отчёты?

Эллиот кивнул.

— Иногда.

— Нашёл что-нибудь новое?

— Нет. В разных статьях одни и те же события описывают совершенно по-разному.

Габриэль тихо отозвался, но сразу отвечать не стал. Эллиот отпил воды, а затем сам продолжил:

— Где-то только написано, что тебя допрашивали. В других статьях тебя называют лицом, представляющим интерес для следствия. На форумах ещё хуже.

— Не читай форумы.

— Знаю.

— И проверяй даты новостных статей. Не смешивай материалы начала расследования с теми, которые вышли в конце.

Клэр подняла голову.

Эллиот покосился на отца.

— Ты учишь меня, как правильно расследовать тебя?

Габриэль продолжил резать яблоки.

— Ты уже этим занимаешься. Я лишь говорю, чтобы ты не делал это плохо.

Уголок рта Эллиота дрогнул.

— Хорошо.

На этом тема закончилась. Никто не воспользовался ею как поводом спросить о Лидии или заново пересказать всё случившееся тринадцать лет назад. Молли уже начала жаловаться на следующий экзаменационный вопрос. Лили сказала, что сестра никогда не сдаст, а Молли велела ей молчать, потому что ей всего четырнадцать. Клэр испытала странное облегчение от всех вопросов, которые так и не последовали.

После обеда Молли тренировалась водить, а Габриэль сидел на пассажирском месте. Клэр собиралась немного поездить вместе с ними. Но, когда Молли в четвёртый раз объехала парковку, уверяя отца, что расстояние совершенно нормальное, Клэр вышла и стала наблюдать со стороны.

— Проедь дальше вперёд, — сказал Габриэль.

— Я и так далеко заехала.

— Нет.

— Выглядит так, будто очень далеко.

— Машину оценивают не по тому, как она выглядит.

Молли сердито посмотрела на него в зеркало заднего вида.

— Папа, ты ужасно учишь людей.

Клэр рассмеялась за окном.

Вечером они впятером смотрели фильм. Выбор занял больше времени, чем просмотр трейлера. Молли хотела ужастик. Лили — нет. Эллиот сказал, что ему всё равно, и Клэр немедленно сообщила, что «мне всё равно» — самое бесполезное мнение на свете. В итоге Габриэль выбрал фильм, против которого никто особенно не возражал.

В середине фильма Габриэль уснул.

Первой заметила Клэр. Он сидел, прислонившись к дальнему краю дивана, слегка запрокинув голову, и всё ещё держал одну руку на подлокотнике. Молли тут же потянулась за телефоном.

— Не фотографируй, — шёпотом сказала Клэр.

— Я лишь сохраняю доказательство, — прошептала Молли в ответ.

— Доказательство чего?

— Что папа тоже устаёт.

Эллиот не поднял головы.

— Никто в этом не сомневался.

Молли сердито посмотрела на него.

Лили поднялась с ковра, взяла тонкое одеяло и осторожно накрыла Габриэля. Он пошевелился, но не проснулся. Лили подтянула одеяло немного выше и снова села.

Клэр смотрела на профиль спящего мужа. Тринадцать лет назад полиция, репортёры, Лидия, Джулиан и Сэмюэл ворвались в этот дом, и нормальных дней почти не осталось. Теперь новости вернулись, а Эллиот понемногу раскапывал все те старые события. И всё же Габриэль по-прежнему мог уснуть в середине фильма. Лили всё так же укрывала его одеялом. Молли всё так же волновалась, станет ли он завтра критиковать её парковку.

Жизнь не останавливалась только потому, что вернулось прошлое.

Иногда Клэр считала это благом. В другие моменты ей казалось, что именно это труднее всего.

Габриэль проснулся после окончания фильма. Он посмотрел на одеяло.

— Кто меня накрыл?

Лили не посмотрела на него.

— Не знаю.

— Лили, — тут же сказала Молли.

— Зачем ты ему сказала?

Габриэль посмотрел на младшую дочь.

— Спасибо.

— Ладно.

Клэр улыбнулась.

Перед тем как подняться наверх, Эллиот взял ноутбук. Габриэль остановил его.

— Эллиот.

— М-м?

— Когда читаешь материалы дела, не ищи только то, что подтверждает твоё уже сложившееся мнение.

Эллиот стоял у подножия лестницы и смотрел на отца.

— У меня ещё нет никакого мнения.

Габриэль кивнул.

— Хорошо.

Клэр ничего не сказала.

Почему-то эту фразу она тоже запомнила.

ГЛАВА 7

Воскресенье оставалось воскресеньем

На воскресный обед они поехали к родителям Габриэля.

Маргарет открыла дверь, первой обняла Клэр, затем обошла её и осмотрела всех троих детей, словно за неделю кто-нибудь из них мог заметно вырасти. Рафаэль крикнул Габриэлю из кухни, что розетка возле столовой опять разболталась. Габриэль едва успел снять пальто, как отец уже увёл его с собой.

Молли смотрела, как он исчезает в коридоре.

— Каждый раз, когда мы приезжаем к дедушке, папа автоматически превращается в бесплатного мастера по ремонту.

В этот момент из гостиной вышла София.

— Потому что в молодости он совершил одну очень серьёзную ошибку.

— Какую?

— Позволил папе узнать, что умеет чинить вещи.

Майкл вышел следом за ней с фруктами в руках.

— Она тоже умеет. Просто притворяется, что нет.

София обернулась к нему.

— Сегодня ты чувствуешь себя смелым.

Молли громко рассмеялась.

Лусия и Ноа уже сидели на ковре в гостиной. Лили без колебаний устроилась рядом. Все трое говорили мало и могли долго молчать вместе, не испытывая неловкости. Молли находилась в комнате меньше двух минут, когда Лусия спокойно спросила:

— Тебе напоминать, чтобы ты дышала?

Ноа от смеха едва не завалился на диван.

Ханна и Нейтан приехали позже. Ноа лишь поднял руку и сказал: «Привет, мам», даже не сдвинувшись с места. Ханна оглядела детей.

— Кто-нибудь уже кого-нибудь обижает?

— Пока нет, — ответила Лусия.

Ноа добавил:

— Молли только что пришла.

— Почему всегда я?

В комнате тут же стало шумнее.

Когда все расселись вокруг стола, разговор перескакивал от заявлений Эллиота в колледжи к школе Лили и водительским правам Молли. Кто-нибудь неизбежно должен был упомянуть новости. Это сделала не Клэр и не кто-то из детей, а Рафаэль.

— Вчера опять показывали те фотографии тринадцатилетней давности, — сказал он. — Наверное, им больше не о чем рассказывать.

Габриэль продолжил накладывать себе еду.

— Появилось новое дело. Они будут использовать старые кадры.

— Тогда пусть расследуют новое дело.

София подняла голову.

— Если оно действительно похоже на серию А, конечно, им нужно заново проверить старые дела.

Рафаэль посмотрел на дочь.

— Теперь ты защищаешь полицию?

— Я защищаю логику.

— Почти так же раздражает.

Майкл опустил голову к тарелке, явно решив не участвовать.

Маргарет посмотрела на Габриэля.

— Они снова с тобой связывались?

— Пока нет.

— Хорошо.

— Мам, если им понадобится задать ещё несколько вопросов, это необязательно что-то означает, — сказала София.

Маргарет ответила не сразу. Она поправила салфетку, затем произнесла:

— Я знаю. Просто не хочу, чтобы всё это повторилось.

Клэр понимала.

Для Маргарет полицейские машины, обыск, Габриэль, которого увезли на допрос, и Клэр, ушедшая со всеми тремя детьми, были не просто старым делом из новостей. Она едва не потеряла сына. Какое-то время ей казалось, что вся семья может распасться.

Рафаэль всё ещё был недоволен.

— Не понимаю, почему ты не злишься.

Габриэль посмотрел на него.

— Это раздражает.

— Тогда почему ты постоянно говоришь, что они должны вести расследование?

— Потому что оба утверждения могут быть правдой.

София подняла бровь.

— Наконец-то ты сказал что-то, что сказал бы нормальный человек.

Габриэль поднял голову.

— Обычно я не нормальный?

— Не заставляй меня начинать перечислять за столом.

— Я могу помочь, тётя София, — тут же сказала Молли.

Даже Рафаэль рассмеялся.

После обеда Клэр помогла Маргарет убрать на кухне. С улицы всё ещё доносились голоса детей. Габриэль сидел в гостиной и чинил сломанную застёжку для Лусии. Ставя тарелку в посудомоечную машину, Маргарет неожиданно сказала:

— В детстве Габриэль был не таким.

Клэр подняла глаза.

— Каким?

— Не так хорошо понимал людей. Не знал, что им нужно. — Маргарет задумалась. — Когда он был маленьким, нам многое приходилось ему объяснять. Не потому, что он отказывался слушать или намеренно вёл себя холодно. Просто то, что другие люди, казалось, понимали само собой... ему иногда сначала требовалось спросить почему.

Клэр молчала.

— После смерти Матео он стал тише. — Маргарет нахмурилась. — Нет. Он всегда был тихим. Он стал тяжелее.

— Тяжелее?

— Он помнил всё. Кто что сказал, когда что произошло, что кому следовало сделать. — Маргарет вздохнула. — Мы боялись, что он до конца жизни будет винить себя из-за Матео. Но чем больше мы спрашивали, тем меньше он нам рассказывал.

Клэр посмотрела в сторону гостиной. Габриэль сидел на корточках рядом с Лусией и объяснял, почему нельзя разжимать застёжку силой. Молли постоянно перебивала. Лусия уже жалела, что вообще позволила ей подойти.

— Он любил Матео, — сказала Клэр.

Маргарет кивнула.

— Очень.

Немного погодя она добавила:

— Габриэль всегда любил свою семью.

Клэр ответила слишком быстро:

— Я знаю.

По дороге домой все трое детей разговаривали на заднем сиденье. Габриэль вёл машину, Клэр сидела рядом. Остановившись на красный свет, он протянул руку и повысил температуру.

Клэр посмотрела на него.

— Я не говорила, что мне холодно.

— Ты всё время тёпла руки.

— И что?

— Ты так делаешь, когда мёрзнешь.

Клэр несколько секунд смотрела на мужа, затем снова отвернулась к дороге.

Она никогда по-настоящему не сомневалась, что Габриэль их любит.

Проблема никогда не заключалась в этом.

ГЛАВА 8

Их ничто не связывало

Майя Торрес потратила три дня, заново проверяя все контакты между Грэмом Холтом и Габриэлем Наварро, которые только можно было обнаружить.

Результат оказался скучнее, чем она ожидала.

Holt Protective Services сотрудничала с Asteron Technologies, однако договоры в основном относились к административно-хозяйственному отделу, отделу закупок и корпоративной службе безопасности. Отдел контроля качества Габриэля не имел полномочий заключать контракты, и ни один документ не указывал, что он присутствовал на совещании с участием самого Грэма. В старых журналах доступа, которые удалось восстановить, не было признаков того, что Габриэль целенаправленно искал информацию о Грэме. Их аккаунты в социальных сетях нигде не пересекались. Они не созванивались. Сохранившиеся записи камер не показывали машину Габриэля ни в одной важной для расследования зоне.

Аарон положил итоговый отчёт на стол.

— На данный момент прямой связи нет.

Майя откинулась назад.

— То есть ноль.

— Ноль, который мы можем доказать.

Она посмотрела на него.

— Ты в каждом предложении оставляешь дверь открытой.

Аарон не улыбнулся.

— В цифровой криминалистике люди, которые закрывают все двери, позже обычно начинают противоречить самим себе.

Элена подняла глаза с соседнего стола.

— Если мы не нашли связь, это ещё не значит, что существует скрытая. Оставь открытой и эту дверь.

Майя кивнула.

На белой доске уже располагалось больше двадцати имён — все эти люди требовали новой проверки после возобновления старых дел серии А. Габриэль был лишь одним из них.

И всё же Майя подошла к доске и постучала ручкой по его имени.

— Он отличается от остальных.

Джона сидел позади неё и читал старый отчёт.

— Чем?

— Лидия его знала. Сэмюэл собирал о нём сведения. Джулиан собирал о нём сведения. Во время расследования серии А его хронологию проверяли снова и снова. Каждый раз, когда любое из этих дел совершает полный круг, там оказывается его имя.

Джона коротко и невесело рассмеялся.

— Тринадцать лет назад мы думали так же.

— И что потом?

— Потом мы провели расследование.

— А после этого?

— Ничего.

Майя нахмурилась.

— Не могло же там действительно не быть ничего.

Элена подвинула к ней стопку старых отчётов.

— Прочитай. Ни ДНК. Ни волокон. Ни машины. Ни звонков. Ни надёжного свидетеля. У нас нет даже тела Лидии. Можно считать мужчину странным. Можно не любить его ответы или верить, что он знает больше, чем говорит. Ни с чем из этого в суд не пойдёшь.

— Тогда почему расследование длилось так долго?

Джона наконец поднял голову.

— Потому что никому из нас он тоже не казался совершенно нормальным.

Элена взглянула на него.

Джона пожал плечами.

— Я не называл это доказательством.

После обеда пришла Прия Шах и вывела на экран фотографии со вскрытия Грэма рядом со снимками из нескольких старых дел серии А. Она долго их изучала, прежде чем произнести:

— Сходства есть.

Аарон спросил:

— Много?

— Достаточно, чтобы я не стала называть их совпадением.

В комнате воцарилась тишина.

Прия добавила:

— Но это не значит, что я подтверждаю: преступник тот же.

Майя подошла ближе.

— В чём сходство заметнее всего?

— В обращении с тканями, точности разрезов, привычках при устранении следов. Часть особенностей стала известна общественности. Другие — нет.

Аарон сразу спросил:

— Если о них не сообщали, откуда о них мог знать подражатель?

Прия посмотрела на него.

— «Не сообщали общественности» не означает «знал только убийца». Следователи, адвокаты, прокуроры, судмедэксперты, родственники — информация могла утечь через любое звено этой цепи.

— К чему вы склоняетесь? Тот же преступник или подражатель?

— Я ни к чему не склоняюсь. — Прия закрыла одно изображение. — Я говорю вам то, что может сообщить тело.

Элена спросила:

— Какую формулировку вы внесли бы в отчёт?

Прия задумалась.

— Есть сходства, которые я не могу оставить без внимания.

Элена кивнула.

— Так и напишите.

Аарон явно хотел услышать больше.

— А что насчёт Габриэля?

— А что с ним? — спросила Прия.

— Он фигурировал в старом расследовании. Теперь новая смерть похожа на прежние дела.

Выражение лица Прии не изменилось.

— Я исследую тела.

Майя опустила взгляд на фотографию Габриэля.

Сорок девять лет.

Ведущий аналитик по контролю качества программного обеспечения.

Находился под следствием тринадцать лет назад.

И ни одно современное доказательство не связывало его с Грэмом Холтом.

Элена закрыла его папку.

— Проверяй его снова, если того требуют факты. Только не решай заранее, что он виновен, а потом не называй доказательством каждый пробел.

Майя кивнула.

Она понимала.

Некоторые люди просто вызвали ощущение, что с ними что-то не так.

Тринадцать лет назад Элена узнала, насколько опасно такое чувство: оно слишком легко убеждает тебя, будто ответ уже известен.

ГЛАВА 9

Когда они были только вдвоём

Клэр и Габриэль уже давно не выбирались на настоящий ужин вдвоём.

Не то чтобы они никогда не ели вместе. Просто это было свидание, ради которого требовалось переодеться, заказать столик и оставить всех троих детей дома. В тот день Клэр стояла перед шкафом и решала, что надеть, когда Молли прошла мимо спальни и остановилась в дверях.

— Вы идёте на свидание?

Клэр оглянулась.

— Почему ты произнесла это таким тоном?

— Вы женаты уже целую вечность.

— И что?

— Вам всё ещё нужны свидания?

Клэр положила платье на кровать.

— Никогда не говори такого своему будущему партнёру.

— У меня нет партнёра.

— Я сказала — будущему.

— И в будущем не хочу.

Клэр рассмеялась.

— Тебе шестнадцать. Не торопись.

Молли прислонилась к дверному косяку и изучила два платья.

— Синее.

— Почему?

— В зелёном ты выглядишь так, будто идёшь на родительское собрание.

— Я учительница.

— Это не значит, что на свидании нужно выглядеть ещё больше как учительница.

Габриэль как раз проходил по коридору и услышал последнюю фразу.

— Какое?

Молли тут же подняла руку.

— Папа, не участвуй в обсуждении одежды.

— Хорошо.

Он пошёл дальше.

Клэр посмотрела ему вслед.

— Твой отец очень умный человек.

— Он просто боится дать неправильный ответ.

— Это тоже умно.

Они поехали в ресторан, где уже много раз бывали раньше. Просматривая меню, Клэр нахмурилась.

— У них больше нет того салата с запечённой грушей.

Габриэль не поднял глаз от меню.

— Его перестали подавать двенадцать лет назад.

Клэр уставилась на него.

— Откуда ты знаешь?

— В прошлый раз ты сказала то же самое.

— Двенадцать лет назад?

— Приблизительно.

Она несколько секунд смотрела на мужа.

— Какая вообще польза от того, что ты это помнишь?

— Ты каждый раз его ищешь.

— Дело не в этом.

По лицу Габриэля было видно, что он совершенно не понимает, в чём тогда дело.

Они поговорили о школе Клэр, затем об Asteron. Клэр пожаловалась, что место проведения художественной выставки в следующем месяце опять изменили. Габриэль рассказал, как одна команда две недели спорила из-за ошибки, прежде чем выяснилось, что причина заключалась в старой конфигурации, которую никто не обновил. В середине рассказа Клэр покачала головой.

— Твоя работа тебе идеально подходит.

— Почему?

— Ты единственный человек на свете, который способен две недели всерьёз разбираться с неправильной конфигурацией и всё равно считать эту работу осмысленной.

— Мы её исправили.

Клэр рассмеялась.

— Вот именно.

За десертом она притихла.

Габриэль быстро заметил.

— Что такое?

Клэр держала ложку, но не ела.

— Я думала об Эллиоте.

— О колледже?

— Угу. В следующем году он может уехать.

Габриэль кивнул.

— Потом у Молли останется всего несколько лет. У Лили — четыре. — Клэр помешала кофе. — Сейчас каждый день посвящён тому, кому и когда нужно вернуться домой, кто что забыл, что случилось в школе. А однажды всё это исчезнет.

Габриэль обдумал её слова.

— В доме станет гораздо тише.

Клэр подняла глаза.

— Это твоё представление об утешении?

— Нет.

— Тогда тебе следует быстро что-нибудь добавить.

Габриэль посмотрел на неё.

— Ты всё равно будешь разговаривать.

Клэр моргнула, затем рассмеялась.

— На пенсии ты собираешься слушать, как я говорю?

— Скорее всего.

— Очень романтично.

— Ты сказала, что я не романтик.

— Сегодня ты едва проходишь.

Габриэль тоже слегка улыбнулся.

Улыбка Клэр медленно померкла.

— Если бы мы остались только вдвоём, всё казалось бы странным?

— Да.

— Почему?

— Я привык, что в доме есть другие люди.

— Разве ты не любишь тишину?

Габриэль некоторое время смотрел на неё.

— Тишина не всегда бывает одинаковой.

Рука Клэр замерла.

В последнее время такие фразы заставляли её слишком много думать. Раньше, когда Габриэль говорил одно, она слышала только одно. С тех пор как вернулись старые вопросы, Клэр не могла перестать задумываться, не скрывался ли под его словами второй смысл.

Наконец она спросила:

— Как думаешь, у нас ещё осталось много недоговорённого?

Габриэль не стал притворяться, будто не понял.

— Да.

— Настанет ли день, когда мы наконец договорим?

— Не знаю.

Клэр вздохнула.

— Ты умеешь испортить настроение.

— Хочешь, чтобы я сказал «да»?

— Не хочу, если ты сам в это не веришь.

Габриэль больше ничего не сказал.

По дороге домой Клэр откинулась на сиденье и смотрела на дорогу за окном. Когда они приблизились к дому, она протянула руку и взяла Габриэля за ладонь, лежавшую между ними.

Он опустил взгляд.

— Что такое?

— Ничего.

— Хорошо.

Клэр сразу рассмеялась.

— Ты способен разрушить любой момент.

Габриэль крепче сжал её пальцы.

— Так лучше?

— Едва ли.

Клэр снова повернулась к окну.

Она по-прежнему не до конца понимала многое в Габриэле. Но этот мужчина помнил салат, который нравился ей двенадцать лет назад. Помнил, когда ей холодно. Помнил все беспорядочные расписания их детей.

То, чего она не знала, не делало всё остальное ложью автоматически.

Пока нет.

ГЛАВА 10

Всё ещё не закончилось

Через две недели после смерти Грэма Холта полицейское управление Сидар-Риджа официально объявило о возобновлении проверки шести дел серии А тринадцатилетней давности.

Клэр смотрела пресс-конференцию в школьном кабинете. Она собиралась задержаться всего на несколько минут. Но в итоге стояла возле своего стола и так и не выключила трансляцию.

Элена стояла перед эмблемой управления вместе с Майей и несколькими членами оперативной группы. В её волосах было больше седины, чем тринадцать лет назад. Но манера говорить почти не изменилась.

— В настоящее время мы сопоставляем криминалистические характеристики и особенности виктимологии из расследования смерти Грэма Холта с шестью историческими нераскрытыми делами, — сказала Элена. — Возобновление проверки не означает, что мы подтвердили причастность одного преступника или на данный момент установили конкретного подозреваемого.

Репортёр сразу выкрикнул:

— А как же Джулиан Мерсер? Общественности сообщили, что убийства серии А мог совершить Мерсер.

Элена помедлила.

— Джулиан Мерсер был осуждён за несколько убийств, доказанных уликами. Все шесть смертей серии А никогда не рассматривались судом как преступления Мерсера.

Толпа заметно заволновалась.

— Значит, полиция арестовала не того человека?

— Нет. Джулиан Мерсер был осуждённым убийцей. Это не изменилось. Мы говорим о том, кому следует приписать шесть других дел.

Другой репортёр спросил:

— Если Грэма Холта действительно убил преступник из серии А, значит ли это, что настоящий убийца тринадцать лет оставался на свободе?

Элена отказалась принимать заложенную в вопросе предпосылку.

— Если криминалистические доказательства в конечном счёте подтвердят причастность одного преступника, очевидно, что нынешнее убийство не мог совершить Джулиан Мерсер.

Клэр смотрела на экран.

Утверждение было простым. И всё же оно вызвало у неё глубокое беспокойство.

Телефон начал непрерывно вибрировать.

Молли:

«Значит, Джулиан не был серией А??»

Эллиот:

«Ты это видела?»

Ханна:

«Не читай комментарии. Я серьёзно».

Первой Клэр ответила Ханне.

«Слишком поздно».

Ответ пришёл почти сразу.

«Разумеется».

Вечером телевизор оставался выключенным. Никто специально не предлагал не обсуждать объявление. Вернувшись домой, Габриэль просто отложил пульт. За ужином Молли продержалась меньше пяти минут.

— Значит, история, которую раньше все рассказывали, на самом деле была неправдой.

Клэр подняла голову.

— Какая история?

— Что Джулиан был серийным убийцей.

— Он был серийным убийцей, — сказал Эллиот. — Но это не значит, что он убил всех шестерых жертв серии А.

Молли нахмурилась.

— Теперь тебе очень нравится поправлять каждое слово.

— Потому что слова имеют разное значение.

— Нормальные люди не...

— Вы оба, ешьте, — сказала Клэр.

Лили до сих пор не участвовала в разговоре. Немного погодя она спросила:

— Значит, того, кто убил этих шестерых, могли так и не поймать?

Габриэль поставил стакан с водой.

— Возможно.

— А теперь он снова начал?

— Если Грэма убил тот же человек.

Лицо Лили изменилось.

— Может появиться ещё одна жертва?

Первым порывом Клэр было сказать «нет».

Но ответ остановился, не успев сорваться с губ.

— Может, — произнёс Габриэль.

Клэр повернулась к нему.

Лили нахмурилась.

— Почему ты всегда обязательно говоришь правду?

— Папа, необязательно её пугать, — сказала Молли.

Габриэль посмотрел на Лили.

— Потому что ты спросила, возможно ли это.

— Но это страшно.

— Знаю.

Больше Лили ничего не сказала.

Клэр коснулась её руки.

— Полиция возобновила расследование. Если тебе страшно, скажи нам. Не сиди одна и не читай новости.

— На прошлой неделе она читала их посреди ночи, — тут же выдала Молли.

Лили подняла голову.

— Откуда ты знаешь?

— Экран освещал коридор.

— Ты за мной шпионила.

— Я проходила мимо.

— Три раза?

Молли замялась.

— Я ходила за водой.

— У тебя проблемы с мочевым пузырём?

Клэр едва не рассмеялась.

— Лили.

Даже уголок рта Габриэля дрогнул.

Ссора девочек немного ослабила напряжение за столом.

После ужина Эллиот не сразу поднялся наверх. Он стоял в дверях кухни, пока Габриэль убирал остатки еды. Клэр мыла чашки у раковины, когда услышала его голос.

— Папа.

— М-м?

— Если это действительно был не Джулиан, почему, по-твоему, убийца остановился тринадцать лет назад?

Руки Клэр замедлились.

Габриэль не обернулся.

— Возможностей много.

— Например?

— Он умер. Попал в тюрьму. Переехал. Заболел. Или решил остановиться.

Эллиот прислонился к косяку.

— Серийный убийца может просто решить остановиться?

— Некоторые могут.

— Почему?

Габриэль закрыл контейнер и поставил в холодильник.

— Жизнь меняется.

Эллиот смотрел на него.

— Брак? Дети?

Клэр полностью замерла.

Габриэль закрыл холодильник.

— Возможно.

Несколько мгновений никто не говорил.

Эллиот лишь кивнул, словно сохраняя ответ в памяти.

— Хорошо.

Когда он поднялся наверх, Клэр осталась у раковины.

Габриэль подошёл за полотенцем.

— Что такое?

— Ничего.

Он посмотрел на неё.

Клэр протянула ему последнюю чашку.

— Просто странное ощущение.

— Что именно кажется странным?

— Тринадцать лет назад мы все думали, что всё закончилось.

Габриэль вытер чашку, не отвечая.

Клэр смотрела на него.

— Теперь кажется, будто оно просто на время прекратилось.

На этот раз молчание Габриэля продлилось дольше обычного.

Наконец он сказал:

— Возможно.

Клэр выключила воду.

Снаружи расследование началось заново.

И впервые она поняла: некоторые вещи не заканчиваются.

Они просто очень долго не повторяются.

ГЛАВА 11

Теперь знают все

Клэр поняла, что пресс-конференция выходного дня покинула пределы телевизора и вошла в реальную жизнь, ещё до того, как в понедельник утром добралась до своего класса.

Двое учителей разговаривали у копировального аппарата. Когда она свернула в коридор, оба почти одновременно замолчали. Один поспешно улыбнулся.

— Доброе утро, Клэр.

— Доброе.

Клэр улыбнулась и пошла дальше. После стольких лет преподавания детям она прекрасно знала, что означает внезапно оборвавшийся разговор. Она не стала оглядываться и убеждать себя, что они наверняка говорили о Габриэле. Возможно, речь шла о чём-то другом. Возможно, они просто случайно замолчали. Тринадцать лет назад Клэр узнала: стоит начать гадать, что думают все вокруг, и очень быстро доведёшь себя до полного изнеможения.

Наконец об этом заговорили во время обеда.

Клэр вырезала цветную бумагу для дневного занятия, когда Зои толкнула дверь кабинета рисования. Она прислонилась к соседнему столу и некоторое время наблюдала.

— Мне нужно рассказать тебе кое-что неприятное.

Клэр не подняла головы.

— Тогда зачем рассказывать?

— Потому что рано или поздно ты всё равно услышишь. Лучше от меня, чем от кого-то из родителей.

Ножницы замерли.

Зои достала телефон.

— Кто-то опубликовал старое видео, где Габриэль тринадцать лет назад выходит из Asteron, в родительской группе. Не в официальной школьной, а во внешней местной группе.

Клэр не взяла телефон.

— Что написано в публикации?

— Что полиция снова проверяет «бывшего подозреваемого по делу серии А».

— Полиция такого не говорила.

— Знаю.

— И сейчас Габриэль тоже не подозреваемый.

— Это я тоже знаю.

Только тогда Клэр положила ножницы и взяла телефон. Под публикацией уже появились десятки комментариев. Одни люди просто спрашивали, что произошло. Другие давали ссылки на старые статьи. Кто-то помнил расследование тринадцатилетней давности. Несколько человек с полной уверенностью писали, будто жена с самого начала подозревала мужа, но полиция так и не нашла достаточно доказательств.

Клэр прочитала несколько комментариев и вернула телефон.

— И всё? — спросила Зои.

— Если я прочитаю больше, среди них всё равно не появится человек, который действительно знает Габриэля.

— Верно.

— Кто-нибудь из родителей спрашивал тебя напрямую?

— Пока нет.

— Тогда пока оставь всё как есть.

Зои подняла бровь.

— Ты гораздо спокойнее, чем тринадцать лет назад.

Клэр снова взяла ножницы.

— Теперь у меня трое подростков. На незнакомцев в интернете сил уже не остаётся.

И всё же в тот день она дважды проверила телефон.

Не из-за комментариев.

Из-за детей.

Первой написала Молли.

«Мам, ты видела ту публикацию?»

Клэр ответила:

«Видела. Ни с кем не спорь».

Ответа не было до 15:07.

«Я не спорила».

Клэр уставилась на предложение.

«Что ты сделала?»

На этот раз Молли ответила быстро.

«Кто-то спросил, был ли папа подозреваемым. Я сказала, что ему никогда не предъявляли обвинений».

Клэр закрыла глаза.

«Это и значит вступить в спор».

«Мне нужно было сделать вид, будто я ничего не услышала?»

«Ты могла не отвечать».

Прошло больше десяти секунд.

«Мне не нравится, когда о нём говорят неправду».

Клэр посмотрела на экран и наконец написала:

«Знаю. Поговорим, когда ты вернёшься домой».

Когда после обеда Молли вошла в дом, она уже не выглядела такой сердитой, как в школе. Она бросила сумку на стул и сразу направилась к холодильнику за едой, явно не собираясь поднимать тему сама. Клэр дождалась, пока дочь достанет йогурт.

— Что именно сегодня произошло?

— Ничего.

— Твоё «ничего» начинает звучать как у отца.

Молли нахмурилась.

— Не сравнивай меня с папой таким образом.

— Тогда рассказывай.

Молли прислонилась к столешнице.

— Одна девочка показала мне видео и спросила, папа ли это. Я сказала, что да. Потом она спросила, был ли он подозреваемым. Я ответила, что полиция его проверяла, но обвинений не предъявила. Мальчик рядом сказал, что, если серия А действительно вернулась, значит, в прошлый раз у полиции были причины проверять папу.

— И что потом?

— Я сказала, что разумные причины ещё не означают, будто он это сделал.

Клэр подождала.

— И всё?

— Всё.

— Без оскорблений?

— Да.

— Без сарказма?

Молли задумалась.

— Возможно, немного.

Клэр вздохнула.

Молли сняла крышку с йогурта.

— Мам, они думают: если полиция кого-то проверяла, значит, с ним обязательно что-то не так. Они не знают, что произошло тринадцать лет назад.

Клэр посмотрела на дочь.

— Ты тоже знаешь не всё.

Рука Молли замерла.

Слова явно её задели, но она не стала сразу огрызаться.

— Я знаю достаточно.

— Достаточно, чтобы верить папе?

— Да.

Она не колебалась ни доли секунды.

Клэр оставила тему.

Вечером Молли сама рассказала Габриэлю, когда тот вернулся домой. Он мыл руки, а она стояла в дверях кухни и кратко пересказывала случившееся в школе.

— Если кто-нибудь снова спросит, могу я сказать, что ты не подозреваемый?

Габриэль вытер руки.

— Я не знаю, к какой категории полиция сейчас относит меня во внутренних документах.

Молли сердито посмотрела на него.

— Папа.

— Можешь сказать, что тринадцать лет назад меня проверяли и не предъявили обвинений.

— Это звучит подозрительно.

— Но это правда.

— Ты не можешь дать ответ, которым проще пользоваться?

Габриэль посмотрел на неё.

— Если тебе нужен простой ответ, не обсуждай с ними это дело.

Молли явно считала отца совершенно бесполезным.

Клэр рассмеялась неподалёку.

Молли повернулась.

— Почему ты смеёшься?

— Потому что одна из вас настаивает на ответе, а другой даёт только абсолютно точный ответ. Вы никогда не удовлетворите друг друга.

Габриэль подошёл к холодильнику.

— Завтра кто-нибудь спросит снова.

Молли нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Сегодня уже спросили.

— Мне теперь вечно их игнорировать?

Габриэль достал продукты для ужина.

— Можешь отвечать что угодно. Только не говори того, в чём не уверена, пытаясь меня защитить.

Молли замолчала.

Немного погодя она очень тихо произнесла:

— Но я знаю, что ты никого не убивал.

Взгляд Клэр остановился на Габриэле.

Он тоже замер.

Затем сказал:

— Ты веришь, что я никого не убивал.

Молли нахмурилась.

— А какая разница?

— Разница есть.

Ответ явно не понравился Молли.

Клэр тоже.

И всё же ужин начался как обычно.

ГЛАВА 12

Она задала всего один вопрос

Лили не упоминала о случившемся в школе до вечера вторника.

Если бы Клэр не зашла в её комнату забрать бельё, возможно, она узнала бы об этом не так скоро.

Лили сидела за столом и рисовала, сдвинув один наушник с уха. Клэр подняла одежду с пола, затем заметила ещё одну рубашку у изножья кровати.

— Это тоже стирать?

— Угу.

— Сколько нарядов ты носишь за один день?

— Это со вчерашнего дня.

Клэр собрала одежду и повернулась к двери. Затем заметила сложенный лист бумаги, торчавший из мусорной корзины. Она вовсе не собиралась рыться в мусоре дочери. Просто слова «СЕРИЯ А» были написаны слишком крупно, чтобы их не заметить.

Она остановилась.

— Что это?

Лили проследила за её взглядом. На лице сразу появилось раздражение.

— Ничего.

Клэр не потянулась за листом.

— Из школы?

— Да.

— Кто тебе его дал?

— Он был не для меня.

Клэр ждала.

Наконец Лили положила карандаш.

— На уроке истории все передавали друг другу старые статьи. Учитель не просил их это делать. Они сами нашли материалы.

— Тебе кто-нибудь что-то сказал?

— Ничего серьёзного.

Клэр осталась на месте.

Лили вздохнула.

— Одна девочка спросила, мой ли отец тот Габриэль Наварро из статьи. Я сказала, что да. Потом она спросила, почему полиция его проверяла.

— Что ты ответила?

— Что полиция ошиблась.

Что-то внутри Клэр словно замерло.

Именно эту версию Лили слышала всю жизнь.

— А потом?

— Она сказала: если серия А теперь вернулась, откуда кто-то знает, что в прошлый раз полиция действительно ошиблась?

Клэр положила одежду на кровать и придвинула стул.

— Что ты подумала, когда она это сказала?

Лили нахмурилась.

— Не знаю. Подумала, что она раздражает.

— Только раздражает?

— Мам.

— Я тебя не допрашиваю.

— Звучит именно так.

Клэр несколько секунд молчала.

— Хорошо. Другой вопрос. Сейчас ты в порядке?

Лили снова взяла карандаш.

— Всё нормально.

Клэр смотрела на неё.

— Ты не обязана говорить, что расстроена, только потому, что я спросила. И не обязана говорить, что всё хорошо, потому что не хочешь, чтобы я волновалась.

Лили медленно провела линию.

— Просто странное ощущение.

— Что именно кажется странным?

— Раньше вы рассказывали всё просто. Полиция подозревала папу. Потом арестовали Джулиана, и всё закончилось. Теперь все внезапно говорят, что Джулиан, возможно, вообще не имел отношения к серии А.

Клэр не стала поправлять её, объясняя, что не каждое дело удалось доказать, и не начала рассуждать о судебной процедуре. Четырнадцатилетняя Лили спрашивала не об этом.

— Тебе кажется, что мы тебя обманули?

— Не обманули. — Лили задумалась. — Скорее, сделали что-то очень большое очень маленьким.

Клэр замолчала.

— Тогда вы были маленькими.

— Я выросла.

— Да.

— И вы всё равно нам не рассказали.

Клэр откинулась назад.

— Здесь ты права.

Лили наконец подняла глаза.

— Мы всегда думали, что всё осталось позади, — продолжила Клэр. — У вас всё было хорошо. Полиция больше не связывалась с папой. Так и не наступил момент, когда казалось бы естественным усадить вас и сказать: «А теперь мы расскажем вам о самом страшном событии в истории нашей семьи».

— Значит, если бы Грэм не умер, вы могли бы никогда нам не рассказать?

Клэр долго думала.

— Возможно.

Лили не рассердилась. Она просто приняла ответ.

Немного погодя она спросила:

— Ты правда веришь, что папа не убивал тех людей?

У Клэр сжалась грудь.

Она не ответила сразу: «Конечно».

Тринадцать лет назад Клэр пообещала себе, что больше никогда не станет изображать большую уверенность, чем испытывает на самом деле, только чтобы успокоить другого человека.

— Я знаю, что полиция так и не доказала его вину, — сказала она. — И я решила продолжить жить с ним.

Лили нахмурилась.

— Это не «да».

— Нет.

— Сейчас ты его подозреваешь?

— Сейчас у меня нет доказательств того, что твой отец кого-то убил.

— Мам.

Клэр тихо вздохнула.

— Знаю, тебе не нравится этот ответ.

Лили опустила взгляд к рисунку.

— На твоём месте я бы просто сказала «нет».

— Потому что ты ему веришь.

— А ты нет?

— Я люблю его и верю во многое, что касается его.

Лили больше не спросила.

Когда Клэр поднялась, Лили внезапно ухватила за край её рубашки.

— Не говори папе о той девочке в школе.

Клэр посмотрела вниз.

— Почему?

— Потому что ничего не случилось. Она задала всего один вопрос.

— А если вопросов станет больше?

Лили задумалась.

— Тогда я расскажу тебе.

— Или папе.

Лили выглядела неуверенно.

— Он поедет в школу?

Клэр улыбнулась.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что, будь это Молли, он сильнее беспокоился бы о том, что она попытается разобраться сама.

Лили слегка улыбнулась.

Клэр подняла бельё и дошла до двери, затем оглянулась.

— Хочешь, я заберу лист и выброшу?

Лили посмотрела на мусорную корзину.

— Нет. Он уже в мусоре.

Клэр кивнула.

Закрыв дверь, она ненадолго осталась в коридоре.

Лист лежал в мусоре.

Но вопрос явно никуда не исчез.

ГЛАВА 13

Старые новости не объясняют себя сами

Первым Эллиот нашёл местную статью тринадцатилетней давности.

Заголовок был обычным.

«ПОЛИЦИЯ РАСШИРЯЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ СЕРИИ А; ДОПРОШЕНЫ
НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК».

Имя Габриэля появлялось лишь во второй половине материала, фотографии не было. В статье сообщалось, что полиция опросила Габриэля Наварро, мужчину, связанного с пропавшей Лидией Уоррен. Уголовных обвинений ему не предъявляли.

Эллиот записал дату и открыл другую статью.

Пять дней спустя.

«НЕРАСКРЫТОЕ ДЕЛО ЛИДИИ УОРРЕН МОЖЕТ ПЕРЕСЕКАТЬСЯ С НЫНЕШ-
НИМ РАССЛЕДОВАНИЕМ».

На этот раз имя Габриэля появилось гораздо раньше.

Впервые статья называла его лицом, представляющим интерес для следствия.

Ещё через одиннадцать дней другое издание опубликовало более прямой заголовок.

«ПОЛИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТ ИЗУЧАТЬ СВЯЗЬ СОТРУДНИКА ASTERON С ПРО-
ПАВШЕЙ ЖЕНЩИНОЙ».

Эллиот долго изучал статью.

Все три материала описывали примерно один период. Но по тону казалось, будто речь шла о трёх разных версиях Габриэля.

Это не убедило Эллиота внезапно, что его отец виновен.

Его тревожило осознание: дни, которые он помнил с детства, не сводились к тому, что полиция задала один вопрос и поняла свою ошибку.

Кто-то обыскивал их дом.

Папу допрашивали не один раз.

Мама действительно забрала детей и ушла.

И те ночи в доме бабушки и дедушки ему не привиделись.

В дверь дважды постучали.

Клэр вошла и остановилась, увидев страницу на экране.

— Всё ещё читаешь?

— Угу.

— До которого часа?

Эллиот посмотрел в угол экрана.

— Сейчас одиннадцать двадцать.

— Я спрашиваю, когда ты собираешься остановиться.

— Не знаю.

Клэр подошла и прислонилась к столу.

— То, что завтра нет занятий, не означает, что можно сидеть до трёх ночи.

— Не буду.

Она взглянула на экран.

— Что это за статья?

Эллиот прокрутил вверх.

— Одна из первых, где упоминался папа.

— Одна из первых.

— Да.

Клэр услышала скрытый смысл.

— Их было много?

— Больше, чем вы нам рассказали.

В словах не было обвинения. И всё же Клэр замолчала.

Эллиот посмотрел на неё.

— Мам, я не говорю, что вы солгали.

— Вчера Лили сказала почти то же самое.

— Она тоже читает?

— Нет. Ей кто-то показал в школе.

Выражение лица Эллиота слегка изменилось.

— Кто-то к ней пристаёт?

— Пока только задают вопросы.

— Кто?

Клэр посмотрела прямо на него.

— Нет.

— Я не говорил, что собираюсь что-то делать.

— Твоё «кто?» уже звучало так, будто собираешься.

Эллиот не стал спорить.

Клэр придвинула второй стул.

— Что именно ты пытаешься найти?

Эллиот посмотрел на компьютер.

— Не знаю.

— Это опасный ответ.

— Почему?

— Потому что, если не знаешь, что ищешь, будешь читать, пока что-нибудь не покажется ответом.

Эллиот несколько секунд молчал.

— Папа сказал, чтобы я не искал только то, что подтверждает уже сложившееся мнение.

— Он прав.

— Значит, теперь вы оба не возражаете, что я веду расследование?

Клэр слабо улыбнулась.

— А возражения помогут?

— Нет.

— Тогда я предпочитаю знать, что ты читаешь.

Эллиот показал ей открытые страницы.

Имя Лидии по-прежнему вызывало у Клэр неприятные чувства. Прошло тринадцать лет. Теперь оно уже не заставляло всё тело холодеть, как раньше, но всё равно принадлежало той части её брака, которая никогда не станет обычным воспоминанием.

Эллиот спросил:

— Полиция рассказала тебе о Лидии?

Клэр покачала головой.

— Всё было сложнее.

— Папа рассказал?

— Не сразу.

— Тогда кто?

Клэр посмотрела на него.

— Эллиот.

Он остановился.

— То, что ты нашёл вопрос, не означает, что я обязана ответить сегодня ночью.

Эллиот не рассердился.

— Хорошо.

Клэр слегка удивилась.

— И всё?

— Ты сказала, что не на каждый вопрос нужно отвечать сразу.

Она посмотрела на сына и поняла, что эта мысль очень напоминает то, чему она сама училась долгие годы.

— Ты и правда вырос, — сказала Клэр.

Эллиот нахмурился.

— Обычно это не комплимент.

— В этот раз — комплимент.

Она поднялась, собираясь уйти, затем остановилась.

— Выключи всё до полуночи.

— В половине первого.

— В полночь.

— Мам.

— Отец отключит тебе Wi-Fi.

— Нет, не отключит.

Клэр рассмеялась.

— Ты прав. Он скажет, что тебе нужно проснуться в семь тридцать, а потом действительно разбудит тебя в семь тридцать.

Эллиот обдумал это.

— В полночь.

Удовлетворённая, Клэр ушла.

Когда дверь закрылась, Эллиот не сразу вернулся к чтению.

Он снова посмотрел на три статьи, опубликованные в три разные даты.

Допрошен.

Лицо, представляющее интерес для следствия.

Обвинения не предъявлены.

В его представлении эти фразы всегда относились к одному событию.

Впервые он понял, что это было не так.

ГЛАВА 14

Посмотреть снова — не значит снова вынести решение

Небольшая комната для совещаний на третьем этаже полицейского управления Сидар-Риджа была занята уже неделю.

Шесть старых дел серии А не были эффектно разложены по всем столам. Елена не любила привычку покрывать стены фотографиями только ради того, чтобы помещение выглядело центром крупного расследования. Всё, что действительно требовалось сопоставить, уже находилось в системе. На столах лежали лишь обсуждавшиеся сейчас материалы Грэма Холта, сводки старых дел и список людей, которые тринадцать лет назад привлекли серьёзное внимание следствия.

Майя задержалась на странице Габриэля Наварро.

Аарон заметил.

— Опять он?

— Мне просто кажется это странным.

— Что именно?

— Все дороги касались его.

Элена не подняла головы.

— Не все.

— Лидия его знала. Из-за Лидии Сэмюэл собирал о нём сведения. Джулиан тоже его проверял. А затем сам Габриэль стал частью расследования серии А.

Джона сидел на другом конце комнаты и читал старые протоколы допросов.

— Поэтому тринадцать лет назад мы его и проверяли.

— Тогда почему остановились?

Джона поднял голову.

— Мы не остановились. Мы дошли до точки, где больше нечего было расследовать. Нельзя продолжать вечно.

Майя повернула к нему папку.

— Здесь написано, что он скрывал сведения о Лидии и Клэр. Он даже следил за будущей женой до их официального знакомства.

— Да.

— Это серьёзно.

— Серьёзно — не то же самое, что убийство.

— Я знаю.

Только тогда Елена подняла глаза.

— Если бы ты действительно знала, не спрашивала бы, почему мы остановились.

Майя встретила её взгляд.

Элена положила ручку.

— Мы отпустили Габриэля не потому, что решили, будто он стал нормальным. Не признали его безобидным потому, что Клэр вернулась домой. Мы остановились, потому что не смогли поместить его ни на одно место преступления серии А.

— Ни ДНК, — добавил Аарон. — Ни надёжного свидетеля. Ни следа машины. Ни связи с жертвами.

— А ещё был Джулиан, — сказал Джона. — Когда мы установили связь Сэмюэла с Джулианом, ресурсы естественным образом сместились в том направлении.

Майя спросила:

— Значит, появляется Грэм, и мы снова вносим Габриэля в список?

— Мы возвращаем всех, кто жив и всё ещё заслуживает повторной проверки, — ответила Елена.

— Габриэль заслуживает больше внимания, чем многие в этом списке.

— Тогда проверяй.

Майя помедлила.

— Я никогда не запрещала тебе его расследовать, — продолжила Елена. — Я сказала не решать, что каждый пробел обязательно принадлежит Габриэлю, только потому, что ты уже узнаёшь его имя.

На мгновение в комнате воцарилась тишина.

Прия положила на стол дополнительный предварительный криминалистический отчёт по Грэму. Она просмотрела старые материалы тринадцатилетней давности, но по-прежнему отказывалась давать Майе однозначный ответ, которого та хотела.

— Сходства сохраняются, — сказала Прия. — Я не стану писать: «Подтверждён тот же преступник».

— Какие дела ближе всего? — спросила Майя.

— Не сравнивай их таким образом.

— Почему?

— Потому что, если я скажу, что Грэм больше всего похож на Лорен или Эмили, всё, что ты увидишь после этого, начнёт склоняться к тому делу. — Прия села. — Пока могу сказать, что в привычках обращения есть совпадения. Некоторые общие особенности никогда не разглашались, но это не означает, что знать о них мог только преступник. Есть и различия.

Аарон спросил:

— Тринадцати лет достаточно, чтобы чей-то метод изменился?

— Достаточно, чтобы изменить очень многое. И достаточно, чтобы не изменить ничего.

Аарон покосился на неё.

— Судмедэксперты любят такие ответы.

— Тела не отвечают «да» или «нет» только ради того, чтобы тебе было проще составить отчёт.

Елена вернула разговор к Грэму.

— Что известно о его прошлом?

Майя перевернула страницу.

— Пять лет назад он участвовал в серьёзном столкновении с бывшим сотрудником. Позже сотрудник умер. Записи камер наблюдения пропали, показания свидетелей менялись, и следователи не смогли установить, кто нанёс смертельную травму. Холту так и не предъявили уголовного обвинения. Позже стороны заключили мировое соглашение по гражданскому иску.

Джона спросил:

— Похоже на виктимологию старых дел серии А?

— В некоторой степени, — ответила Майя.

Елена сразу продолжила:

— Насколько именно?

— В обоих случаях другой человек погиб, но уголовного приговора не последовало.

— Один нынешний случай.

Майя кивнула.

— Елена...

— Один человек ещё не образует закономерность.

В комнате снова воцарилась тишина.

Наконец Майя стёрла предложение с белой доски.

Не потому, что оно было совершенно неправильным.

А потому, что было слишком рано.

После совещания Майя отнесла старую папку Габриэля к своему столу. Обложка истёрлась от того, как часто её брали в руки тринадцать лет назад.

Она открыла первую страницу.

Габриэль Наварро.

Тридцать шесть лет.

Женат.

Трое маленьких детей.

Asteron Technologies.

Тринадцать лет спустя позади добавили обновлённый лист.

Сорок девять.

Всё ещё женат.

Трое детей.

Всё ещё в Asteron.

Одна смена адреса.

Судимостей нет.

Ничто в папке не бросалось в глаза со словами: «Вот человек, которого вы упустили».

Майя закрыла её.

В этом заключалась одна из самых неприятных особенностей расследования.

Иногда повторный взгляд показывал лишь то, что ты уже видел.

ГЛАВА 15

Я не хочу идти

В четверг вечером Клэр узнала, что Лили не собирается посещать школьную художественную выставку в эти выходные.

Бланк разрешения лежал на кухонном столе два дня. Клэр считала, что просто забыла его подписать. Подняв лист, она увидела: напротив пункта «Участие ученика» сама Лили отметила «НЕ БУДУ ПРИСУТСТВОВАТЬ».

Клэр отнесла бумагу в гостиную.

— Лили.

Младшая дочь подняла глаза от телефона.

— М-м?

— Ты не идёшь на художественную выставку в субботу?

— Нет.

Клэр нахмурилась.

— Разве там не выставляют твою работу?

— Учитель всё равно её покажет.

— Знаю, но ты долго работала над этим портретом.

Лили снова посмотрела на телефон.

— Я не хочу идти.

— Почему? — тут же спросила Молли.

— Без причины.

— На прошлой неделе ты говорила...

— Молли.

Лили не повысила голоса, но смысл был ясен.

Молли промолчала две секунды, затем не выдержала.

— Это из-за людей в школе?

Клэр посмотрела на неё.

Лицо Лили изменилось.

— Почему ты обязательно всё говоришь?

— Потому что это очевидно.

— Каким образом?

— Ты всегда ходишь на такие мероприятия.

— Теперь я не хочу.

Молли выпрямилась.

— Кто-то опять спрашивал о папе?

— Никто меня не травит.

— Значит, кто-то что-то сказал.

— Это не одно и то же.

Клэр вдруг подумала, что дочь говорит точь-в-точь как Габриэль.

Она села рядом с Лили.

— Кто и что сказал?

Лили явно устала от разговора.

— Ничего особенного. Кто-то сказал: если мой отец действительно тот старый подозреваемый, в субботу всем родителям может быть неловко. Я ответила, что папа, возможно, не придёт. А другой человек сказал, что так будет лучше.

Лицо Молли стало холодным.

— Кто?

Лили даже не посмотрела на неё.

— Именно поэтому я не хотела рассказывать.

— Скажи, кто это был.

— Нет.

— Лили.

— Прекрати.

Клэр протянула руку, останавливая Молли.

— Достаточно.

— Но они...

— Сейчас ты беспокоишь её сильнее, чем они.

Молли открыла рот, затем недовольно закрыла.

Клэр снова повернулась к Лили.

— Ты не идёшь, потому что действительно не хочешь, или потому что думаешь, будто люди станут глазеть, если мы появимся?

Лили долго молчала.

— И то и другое.

Клэр было больно это слышать.

— А если папа не пойдёт?

Лили сразу нахмурилась.

— Разве тогда не будет ещё больше похоже, что мы их боимся?

Клэр не нашла с ответом.

Открылась входная дверь.

Вернулся Габриэль.

Едва войдя в гостиную, он заметил, что никто не разговаривает.

— Что случилось?

Молли тут же начала:

— Кто-то в школе Лили...

— Молли!

Габриэль замер.

Клэр посмотрела на Лили.

— Хочешь рассказать ему сама?

Опустив глаза, Лили наконец объяснила. Она ничего не приукрашивала. Только повторила, что кто-то назвал присутствие Габриэля в субботу неловким и сказал, что будет лучше, если он не придёт.

Прежде чем ответить, Габриэль убрал пальто.

— Сначала ты хотела, чтобы я пришёл?

Лили подняла глаза.

— Конечно.

— А теперь?

— Не знаю.

— Тогда пока не позволяй им принять решение за тебя.

Лили нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Если раньше ты хотела пойти, мы можем пойти. Если теперь ты действительно не хочешь, можешь остаться дома. Не смешивай эти два решения.

Молли не удержалась.

— На твоём месте я бы точно пошла.

Лили посмотрела на неё.

— Поэтому это и не ты.

На этот раз Молли не нашлась с ответом.

Габриэль сел рядом с Лили.

— У тебя есть ещё день, чтобы решить.

— Если я попрошу тебя не приходить, ты будешь меня стыдиться?

— Нет.

— Правда?

— Правда.

— Ты не решишь, что я тебе не верю?

Габриэль посмотрел на неё.

— Нет.

Наконец часть напряжения ушла с лица Лили.

Клэр стояла рядом и наблюдала за отцом и дочерью. На этот раз Габриэль действительно не стал решать за Лили. Не сказал, что мнения одноклассников не важны, не велел ей проявить смелость и не настоял, чтобы она пошла.

Он просто вернул решение ей.

Этот Габриэль сильно отличался от мужчины двадцати с лишним лет, который сам решал, какую правду Клэр необязательно знать.

И всё же, выйдя вечером из душа, Клэр обнаружила Габриэля у окна с телефоном в руках.

— Что ты смотришь?

— Сайт школы.

Клэр перестала вытирать волосы.

— Габриэль.

— Он общедоступный.

— Я знаю. Что ты ищешь?

— Субботнюю выставку.

— Зачем?

— Хочу посмотреть расписание.

Клэр подошла и встала рядом.

— Ты пытаешься выяснить, какие учителя там будут?

Габриэль ответил не сразу.

— Или установить, кто это сказал?

— Лили не назвала имя.

— И что?

Габриэль заблокировал телефон.

— Значит, у меня нет имени.

Клэр уставилась на него.

Это был Габриэль. Он мог не допрашивать дочь. Мог уважить её отказ назвать человека и в тот же вечер прочитать каждую общедоступную страницу на школьном сайте.

— Ничего не делай, — наконец сказала Клэр.

Габриэль посмотрел на неё.

— Я не собирался.

— Знаю. — Она помедлила. — И всё равно должна это сказать.

Габриэль кивнул.

— Хорошо.

Клэр забрала телефон из его руки и положила возле кровати.

— Ложись спать.

— У тебя мокрые волосы.

— Не меняй тему.

— Я не меняю.

Клэр сердито посмотрела на него.

Наконец Габриэль тихо рассмеялся.

Она знала, что сегодня ночью, скорее всего, ничего не случится.

Что касается субботы, никто из них не знал, пойдёт ли Лили.

На этот раз они позволили ей решить самой.

ГЛАВА 16

Я всё-таки хочу пойти

В пятницу вечером Лили сама принесла бланк для художественной выставки.

Клэр мыла фрукты на кухне, когда Лили положила лист на островок, взяла ручку, зачеркнула «НЕ БУДУ ПРИСУТСТВОВАТЬ» и отметила соседнюю клетку.

Клэр не сразу заговорила.

Лили подписала имя.

— Я всё-таки хочу пойти.

— Хорошо.

— И всё?

Клэр улыбнулась.

— Ты ждала фейерверка?

Лили положила ручку.

— Вчера ты задала много вопросов.

— Вчера ты не знала, действительно ли не хочешь идти или кто-то другой заставил тебя расхотеть.

— Теперь знаю.

— Тогда этого достаточно.

Молли проходила мимо кухни, услышала последнюю фразу и остановилась.

— Значит, мы идём все?

Лили посмотрела на неё.

— Тебе необязательно.

— Почему?

— Там не твоя работа.

— Я поддерживающая сестра.

— Ты хочешь посмотреть, скажет ли кто-нибудь что-то ещё.

Молли оскорбилась, что её разоблачили.

— Одно другому не мешает.

Клэр указала в сторону гостиной.

— Не начинай.

Когда Габриэль вернулся, Лили сама сказала ему, что решила участвовать. Закончив, она замялась и добавила:

— Ты тоже можешь прийти.

Габриэль снимал пальто. Он посмотрел на неё.

— Ты уверена?

— Да.

— Хорошо.

Он не спросил, почему она передумала и кто говорил с ней в школе. Лили заметно ослабилась и поднялась наверх.

Клэр дождалась, пока дочь не сможет их услышать.

— Ты правда вчера не продолжил расследовать школу?

— Я проверил время мероприятия.

— И?

— Порядок парковки.

Клэр посмотрела на него.

Габриэль помедлил.

— И список учителей.

— Габриэль.

— Всё было общедоступно.

— Знаю.

Больше он ничего не сказал.

Клэр взяла его пальто.

— Завтра ты идёшь только посмотреть работу Лили.

— Угу.

— Ты не будешь наблюдать, кто на неё смотрит.

— Совсем никого не видеть будет трудно.

Клэр продержалась две секунды, затем рассмеялась.

— Ты очень хорошо находишь лазейки в формулировках.

Субботняя выставка оказалась гораздо обычнее, чем представляла Лили.

Половину школьного спортивного зала превратили в выставочное пространство. Белые стенды стояли рядами, над работами указывались имя ученика и класс. Родители ходили с кофе. Одни фотографировали. Другие стояли перед картинами и серьёзно кивали, хотя Клэр подозревала, что они понятия не имеют, что должны видеть.

Портрет Лили висел в третьем ряду.

Клэр остановилась, едва его увидела.

На картине была пара пожилых рук. Не полный портрет — только ладони, суставы и небольшая часть рукава. Лили с тщательной точностью изобразила линии на коже, края ногтей и свет. Под работой стояло название:

«ВСЁ ЕЩЁ ЗДЕСЬ».

— Это бабушка Маргарет? — спросила Клэр.

Лили кивнула.

Габриэль долго рассматривал картину.

— Она заплачет.

— Знаю.

— Ты готова?

— Нет.

Клэр рассмеялась.

Через десять минут Маргарет заплакала.

— Почему ты нарисовала мои руки такими старыми?

Лили застыла.

— Потому что они... уже...

София сразу отвернулась и притворилась, будто кашляет.

Маргарет тоже рассмеялась, вытирая глаза.

— Очень красиво. Я просто не знала, что на моих руках столько линий.

Стоявший рядом Рафаэль сказал:

— Они так выглядят с тех пор, как тебе исполнилось шестьдесят.

— Молчи.

На этом всё должно было закончиться.

Но затем Клэр услышала, как возле стола с напитками кто-то произнёс имя Габриэля.

Негромко.

В нескольких шагах стояли двое родителей. Один посмотрел в их сторону. Клэр уловила лишь обрывки.

— ...тот мужчина из новостей.

— Её отец?

— Да, тринадцать лет назад...

Клэр не подошла к ним.
Ничем не показала, что слышала.
Но, оглянувшись, увидела: Лили тоже слышала.
Лили стояла возле картины и отвечала на вопрос учителя. Выражение её лица не изменилось, но пальцы сжали край рукава.
Габриэль, разумеется, заметил.
По тому, как взгляд мужа прошёл по залу, Клэр почти могла определить говоривших.
Она подошла и слегка коснулась его руки.
Габриэль посмотрел на неё.
Клэр ничего не сказала.
Он отвёл взгляд от людей.
Через двадцать минут оба родителя ушли сами.
В машине наконец заговорила Молли.
— Я слышала тех людей.
Лили смотрела в окно.
— Я тоже.
— Я чуть не подошла.
— Поэтому хорошо, что ты не стояла рядом со мной.
— Я умею быть вежливой.
Эллиот слегка повернулся с переднего сиденья.
— В прошлый раз, когда ты так сказала, ты пятнадцать минут с кем-то спорила.
— Они начали...
— Всё, — перебила Клэр. — Этот день закончен.
Габриэль продолжал вести машину и не вмешивался.
Вечером Лили ела мороженое на кухне и сказала:
— Всё оказалось не так плохо, как я думала.
Клэр прислонилась к противоположной столешнице.
— Какая часть?
— Всё.
— Чего ты ожидала?
Лили зачерпнула ещё ложку.
— Не знаю. Возможно, все будут смотреть на папу.
Габриэль как раз проходил мимо холодильника.
— Некоторые смотрели.
Лили подняла голову.
— Ты заметил?
— Да.
— Ты злился?
Габриэль задумался.
— Немного.
Клэр наблюдала за ним со стороны.
Лили улыбнулась.
— Только немного?
Габриэль взглянул на Клэр.
— Мама велела мне ничего не делать.
— Звучит так, будто я предотвратила преступление, — тут же сказала Клэр.
— Я не планировал преступление.
— Хорошо. Продолжай в том же духе.
Лили рассмеялась так сильно, что едва не подавилась.

Вечером она отправила фотографии с выставки в семейный чат. Маргарет ответила семью эмодзи-сердцами. Молли назвала её драматичной. София опубликовала случайную фотографию плачущей Маргарет перед картиной.

После одиннадцати дом наконец затих.

Когда Клэр готовилась ко сну, экран телефона загорелся.

Это была не школа.

Не родительская группа.

Местное новостное уведомление.

«ТЕЛО МУЖЧИНЫ ОБНАРУЖЕНО ВОЗЛЕ ОФИСА УПРАВЛЯЮЩЕЙ КОМПАНИИ В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ; ЛИЧНОСТЬ ПОКА НЕ УСТАНОВЛЕНА».

Она несколько секунд смотрела на заголовок, затем перевела взгляд на ванную.

Душ всё ещё работал.

Клэр не открыла статью.

По крайней мере сегодня ночью она не хотела знать больше.

ГЛАВА 17

Второй мужчина

Тело обнаружили в субботу в 22:47.

Уборщица вышла через служебную дверь позади здания и заметила что-то возле парковки. Сначала она решила, что кто-то напился и потерял сознание. Лишь подойдя ближе, женщина поняла: что-то не так.

В воскресенье до рассвета Прия Шах уже находилась за ограждающей лентой.

Жертвой был мужчина чуть старше сорока. Кошелёк исчез, но ключи и телефон остались. Явных признаков ограбления не было. С телом обошлись способом, который напоминал дела серии А тринадцатилетней давности ещё сильнее, чем смерть Грэма Холта.

Майя стояла в нескольких шагах и наблюдала за работой Прии.

— Вы всё ещё назовёте это сходствами?

Прия не подняла головы.

— В прошлый раз я не говорила, что есть только сходства.

— А теперь?

— Ближе.

Майя ждала.

Наконец Прия взглянула на неё.

— Дождись вскрытия.

— Вы отказываетесь дать мне хотя бы одно определённое слово.

— Я уверена, что он мёртв.

Неподалёку рассмеялся Джона.

Майя сердито посмотрела на обоих.

— Спасибо. Очень помогли.

Личность жертвы установили в одиннадцать утра.

Маркус Дайер, сорок четыре года.

Он владел средней по размеру управляющей компанией в Сидар-Ридже, обслуживавшей несколько старых многоквартирных домов. Серьёзной судимости не имел — лишь несколько гражданских споров и жалоб жильцов.

Аарон положил на стол предварительную справку.

— Рядом с его именем постоянно появляется ещё одно.

Майя взяла документ.

Дэниел Перес, шестьдесят три года.

Больше двух лет назад Дэниел погиб при пожаре в доме, которым управляла компания Маркуса. Позже следователи обнаружили проблемы в журналах обслуживания пожарных извещателей. Несколько жильцов сообщили, что и раньше жаловались на неработающие устройства.

Майя подняла глаза.

— Кому-нибудь предъявили обвинения?

— Был гражданский иск. Уголовных обвинений — нет.

— Почему?

— Не удалось доказать, что Маркус лично знал, в какой квартире извещатель неисправен. Не было доказательств, что записи обслуживания изменил он сам. Компания обвинила стороннего подрядчика.

Джона спросил:

— Чем закончилось?

— Мировым соглашением. Сумма конфиденциальна.

Элена молчала на другом конце стола.

Майя положила папку Маркуса рядом с папкой Грэма Холта.

Грэм.

Бывший сотрудник умер после жестокой стычки.

Уголовного приговора не было.

Маркус.

Жилец погиб при пожаре на фоне спора об обслуживании оборудования.

Уголовного приговора не было.

Она взяла маркер.

— Не пиши, — сказала Элена.

Майя остановилась.

— Я ещё ничего не написала.

— Но собиралась.

— У них есть по крайней мере одна общая черта.

— Есть.

Майя посмотрела на неё.

— Одна общая черта ещё не образует закономерность, — продолжила Элена.

— Теперь таких людей двое.

— Значит, есть две общие точки.

Джона опустил голову, улыбаясь.

Майя проигнорировала его.

— А если экспертиза подтвердит, что обе нынешние смерти связаны со старыми делами серии А?

— Тогда у нас будут две новые жертвы, которые, возможно, связаны с ними.

— И обе были причастны к смерти другого человека, но не были осуждены.

Элена выдержала её взгляд.

— Хорошо. Теперь докажи, что этот факт имел значение для убийцы.

Майя положила маркер.

В тот же день СМИ официально обнародовали имя Маркуса Дайера.

Клэр увидела репортаж в супермаркете.

Она стояла у морозильников, когда на телефон пришло новостное уведомление. Клэр открыла его машинально. Дойдя до слов «Дэниел Перес», «пожар в многоквартирном доме» и «уголовные обвинения не предъявлены», она остановилась.

Габриэль вернулся с другого конца прохода, толкая тележку.

— Не можешь найти?

Клэр повернула к нему телефон.

— Второй мужчина.

Габриэль несколько секунд читал.

— Маркус Дайер.

— Ты его знаешь?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро.

Клэр снова посмотрела на статью.

— Полиция не сказала, что это серия А.

— Нет.

— Но все так подумают.

— Подумают.

Габриэль вернул телефон.

Клэр заблокировала экран.

— Мне вдруг расхотелось читать.

— Тогда не читай.

— Для тебя всё действительно может быть так просто?

— Теперь может.

Клэр посмотрела на него.

— А тринадцать лет назад не могло?

Габриэль ответил не сразу.

Мимо прошёл человек с тележкой, и Клэр не стала продолжать. Она убрала телефон и снова начала искать мороженое, которое хотела Лили.

Габриэль стоял позади неё.

Разумеется, он знал Маркуса Дайера.

Не только имя.

Он знал, когда гас свет над задней дверью офиса Маркуса. Когда по пятницам уходило большинство сотрудников. Сколько писем с жалобами отправила дочь Дэниела Переса. И как Маркус в итоге объяснил, почему пожарные извещатели так и не отремонтировали.

Тринадцать лет Габриэлю не требовалось помнить подобные вещи.

После Грэма он поверил, что всё ещё способен остановиться.

Хотя бы ненадолго.

Маркус показал, что это будет непросто.

— Это? — Клэр достала упаковку из морозильника.

Габриэль взглянул.

— Лили хотела мороженое с кусочками теста для печенья.

Клэр посмотрела на коробку.

— Разве это не оно?

— Это печенье со сливками.

Она вернула коробку.

— Почему ты знаешь разницу?

Габриэль покатил тележку дальше.

— Потому что ты каждый раз берёшь не то.

Клэр пошла следом.

— Не она берёт не то, а я.

— Да.

Она сердито посмотрела ему в спину.

Уголок рта Габриэля едва заметно дрогнул.

ГЛАВА 18

Двух мужчин недостаточно для теории

Предварительные результаты вскрытия Прии поступили в понедельник утром.

Маркус Дайер умер не точно так же, как Грэм Холт. Однако некоторые особенности обращения с телом были очень похожи, включая одну деталь, которую тринадцать лет назад так и не раскрыли общественности полностью.

На этот раз никто в комнате для совещаний не произнёс слово «совпадение».

Майя поместила обеих жертв на белую доску.

Грэм Холт, сорок восемь.

Маркус Дайер, сорок четыре.

Джона изучал их с другого конца комнаты.

— Как скоро СМИ назовут их седьмой и восьмой жертвами серии А?

— Наверное, кто-то уже назвал, — ответил Аарон.

Элена посмотрела на него.

— Не показывай мне.

— Я и не собирался.

Майя открыла справку о Маркусе.

— Дэниел Перес, шестьдесят три. Погиб при пожаре в многоквартирном доме. До этого как минимум трое жильцов жаловались на пожарные извещатели. В копии одного письма был общий адрес руководства компании Маркуса.

— Сам Маркус получил письмо? — спросила Элена.

— Подтвердить не можем. Компания пользовалась общим почтовым ящиком руководства.

— Продолжай.

— После пожара кто-то изменил внутренние записи об обслуживании. Следователи не установили, кто это сделал и произошло ли это до пожара или после. Уголовное дело ни к чему не привело. Позже семья Переса подала иск, и компания заключила мировое соглашение.

Элена посмотрела через стол.

— Грэм.

Майя была готова.

— Бывший сотрудник погиб после столкновения. Записи камер на месте происшествия отсутствовали, несколько работников изменили части показаний. Следователи не смогли доказать, что смертельную травму лично нанёс Грэм. Уголовных обвинений нет. Позже дело урегулировали в гражданском порядке.

В комнате было тихо.

На этот раз Элена не помешала Майе записать общие признаки.

Предшествующая смерть / тяжёлый вред.

Уголовная ответственность не установлена.

Майя отступила от доски.

— Теперь?

Элена посмотрела на запись.

— Теперь у нас есть направление, которое стоит расследовать.

— Наконец-то.

— Не вывод.

Майя вздохнула.

— Знаю.

— Надеюсь.

Аарон перевернул ещё один отчёт.

— А если добавить шестерых жертв тринадцатилетней давности?

Прия подняла голову.

— Я могу сравнить криминалистические доказательства. Виктимология — не моя область.

Джона уже поднялся и доставал старые папки серии А.

— Джудит Мерсер. Лорен Хейз. Томас Эйвери. Райан Холлоуэй. Эмили Доусон. Дерек Лоусон.

Майя смотрела, как шесть имён появляются на другой стороне доски.

Она прочитала каждое дело.

Раньше Майя сосредоточивалась на телах, Габриэле, Джулиане и причинах, по которым полиция не раскрыла убийства тринадцать лет назад.

Теперь она изменила вопрос.

— У каждой жертвы было предшествующее событие, связанное с ответственностью за серьёзный вред?

Элена не ответила.

— У нескольких, — сказал Джона.

— У скольких?

— Не полагайся на память, — сказала Элена. — Начни с самого начала.

Майя кивнула.

Именно так и велось расследование.

Они не могли насильно втиснуть шесть старых жертв в одну историю лишь потому, что Маркус и Грэм её напоминали. Требовались трудовые документы, судебные иски, отчёты о несчастных случаях, страховые дела и полицейские материалы. Нужно было установить, что на самом деле знали следователи тринадцать лет назад, а не полагаться на версию, которую СМИ собрали позже.

К четырём часам первые результаты ещё не поступили.

И всё же Майя снова открыла папку Габриэля.

Аарон проходил мимо её стола.

— Кажется, Элена велела не выносить решение заранее.

— Я ничего не решила.

— Тогда зачем смотришь на него?

Майя откинулась назад.

— Если серия А действительно выбирала жертв таким образом, я хочу понять, почему тринадцать лет назад выбор жертв не вывел следователей на Габриэля.

— Возможно, потому что он не убийца.

— Знаю.

Аарон остановился.

— Наконец прозвучало как Элена.

Майя подняла глаза.

— Это похвала или предупреждение?

— И то и другое.

В это время Клэр готовила в школе уроки на следующую неделю.

Она не проверяла новости.

Затем вошла Зои и поставила кофе на её стол.

— Подумала, что тебе понадобится.

Клэр подозрительно посмотрела на стакан.

— Почему кофе от тебя всегда сопровождается плохими новостями?

— С хорошими я приношу торт.

Клэр отложила то, что держала.

— Рассказывай.

— Полиция только что подтвердила «существенные криминалистические сходства» между Маркусом и Грэмом.

Клэр закрыла глаза.

Зои села рядом.

— Тебе необязательно сейчас ехать домой.

— Я не говорила, что собираюсь.

— Сказало твоё лицо.

Клэр взяла кофе.

Немного погодя она спросила:

— Если это действительно один человек, как думаешь, может кто-то тринадцать лет ничего не делать, а потом внезапно начать снова?

Зои посмотрела на неё.

— Откуда мне знать?

Клэр горько улыбнулась.

— Прости. В последнее время я постоянно задаю людям вопросы, на которые никто не может ответить.

Зои прислонилась к столу.

— Возможно, потому что человек, которого ты действительно хочешь спросить, находится дома.

Клэр промолчала.

Она знала, что Зои не обвиняет Габриэля в убийстве.

Она имела в виду вопросы тринадцатилетней давности.

И всё же фраза слишком надолго осталась внутри Клэр.

ГЛАВА 19

Отец говорил, что те шестеро — не его

Элиас не следил всерьёз за новостями о Грэме Холте, пока не умер Маркус Дайер.

До тех пор он читал только заголовки.

Не потому, что серия А перестала его волновать. Он просто научился не открывать каждую статью, когда имя Джулиана Мерсера снова появлялось в новостях.

В двадцать два года это наконец стало легче.

В детстве, когда люди упоминали Джулиана, Элиас первым делом следил за выражением их лиц. Подростком делал вид, будто ему всё равно. Став старше, он научился говорить прямо:

— Да. Он был моим отцом.

Что они захотят спросить после этого — их проблема.

В понедельник Элиас пришёл на ужин к Роуз. Она по-прежнему готовила лишнюю порцию, хотя он уже несколько лет там не жил. Половину ужина Роуз наблюдала, как он смотрит в телефон, затем спросила:

— Работа?

— Нет.

— Ты смотришь туда уже двадцать минут.

Элиас положил телефон.

— Маркус Дайер.

Руки Роуз замерли.

— Новое дело?

— Да.

— Не продолжай читать.

Элиас улыбнулся.

— Ты начинаешь говорить как раньше.

— Тогда тебе было двенадцать. Теперь двадцать два. Я не могу забрать телефон.

— Раньше ты тоже не забирала.

— Я об этом думала.

Элиас съел несколько кусочков, затем спросил:

— Почему, по-твоему, папа так настойчиво повторял, что серия А — не его?

Роуз ответила не сразу.

Уже много лет никому в этом доме не требовалось называть Джулиана папой.

Иногда Элиас всё ещё называл.

Не потому, что простил.

Просто слишком долго пользовался этим словом.

— Потому что это был не он? — сказала Роуз.

Элиас поднял глаза.

Она вздохнула.

— Я не говорю, что он никого не убивал. Ты понимаешь.

— Понимаю.

— Джулиан лгал нам о многом. О Натали, Сэмюэле, других женщинах. — Голос Роуз оставался спокойным. — Но версию о серии А он не менял никогда.

— Даже в конце.

— Нет.

Элиас посмотрел на стол.

— В детстве я думал, что он твердит «те шестеро не мои», чтобы казаться менее ужасным.

— Возможно, отчасти так и было.

— Но какая разница? Он уже убил столько людей. Шестью больше или меньше — для остальных ничего не менялось.

Роуз наблюдала за ним.

— Возможно, для него менялось.

Элиас промолчал.

Именно об этом он думал в последнее время.

Джулиан умел лгать.

Но его ложь не была случайной.

Он лгал, чтобы удержать желаемое. Чтобы контролировать людей. Заставил Элиаса поверить, будто Натали его бросила, потому что правда была опаснее лжи.

Серия А отличалась.

Джулиан никогда не говорил:

«Я никого не убивал».

Он говорил лишь:

«Те шестеро — не мои».

Даже в худшие моменты.

Элиас взял телефон и снова открыл статью о Маркусе Дайере.

— Теперь добавились ещё двое.

Роуз посмотрела на экран.

— Полиция не подтвердила, что преступник один.

— Знаю.

— Тогда что ты хочешь делать?

— Не знаю.

Роуз посмотрела на него.

Элиас рассмеялся.

— Раньше ты ненавидела такой ответ.

— До сих пор ненавижу.

Он выключил экран.

— Я хочу понять только одно: если папа говорил правду, откуда он знал, что те шестеро — не его?

Роуз медленно положила вилку.

— Потому что знал, кого убил.

— Да.

— Элиас.

— Знаю, звучит отвратительно.

— Нет. — Роуз покачала головой. — Я боюсь, что ты снова туда вернёшься.

Элиас смотрел на неё.

— Раньше эти дела поглотили тебя, — сказала она. — Тебе необязательно снова превращаться в шестнадцатилетнего, который до рассвета читал старые отчёты, только потому, что люди опять умирают.

Элиас некоторое время молчал.

— Я не пытаюсь доказать, что он был невиновен.

— Знаю.

— Не пытаюсь стереть то, что он сделал.

— Знаю.

— Я просто...

Он надолго остановился.

— Хочу получить правильный ответ.

Роуз больше не спорила.

Убирая тарелки после ужина, она услышала вопрос Элиаса:

— Ты сохранила его вещи?

Роуз остановилась.

— Какие?

— Не доказательства. Личные вещи, которые потом вернули.

— Некоторые.

— Можно посмотреть?

Роуз повернулась к нему.

— Зачем?

— Я помню одно имя.

— Какое?

Элиас нахмурился, пытаясь ухватить что-то из голосов, услышанных много лет назад.

— Габриэль.

Сначала Роуз не отреагировала.

Затем вспомнила.

Габриэль Наварро.

Мужчина, чьё имя тринадцать лет назад снова и снова появлялось в новостях.

ГЛАВА 20

Г. Н.

Коробка стояла в глубине кладовой Роуз.

Это был не таинственный металлический ящик, и замка на нём не было. Обычная картонная коробка с пожелтевшей этикеткой.

«МЕРСЕР — ВОЗВРАЩЁННОЕ ЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО».

Полиция и адвокаты сохранили всё, что действительно относилось к доказательствам. Когда дело закончилось и завершились различные апелляции, некоторые фотографии, документы и личные вещи без прямой связи с преступлениями вернули. Роуз не хотела сохранять жизнь Джулиана. Но часть содержимого принадлежала маленькому Элиасу, и выбросить коробку целиком она так и не смогла.

— Я не открывала её много лет, — сказала Роуз.

Элиас присел и медленно отклеил скотч.

Сверху лежала стопка старых фотографий.

На них были не жертвы.

На них был Элиас.

В три года — сидит на полу и строит из кубиков.

В четыре — в дождевике на несколько размеров больше.

В пять — стоит возле школы и явно возражает против фотографии.

Элиас перелистал несколько снимков и замедлился.

Роуз молча стояла рядом.

Джулиан убивал людей.

И фотографировал каждый день рождения сына.

Эти две вещи никогда не могли отменить друг друга.

Элиас отложил фотографии и продолжил искать.

В коробке были старые счета, гарантии на фотооборудование, давно потерявшие значение списки клиентов и копии личных записей, которые адвокаты Джулиана вернули после его заключения. Много полиция просмотрела годы назад. Некоторые материалы даже демонстрировались в суде.

Элиас не ожидал раскрыть тайну.

Если бы настоящие секреты так легко оставляли в картонных коробках, Джулиан не прожил бы достаточно долго, чтобы услышать приговор.

Элиас хотел найти лишь имя.

Примерно через полчаса он обнаружил две буквы.

Г. Н.

Это было не название папки. Буквы стояли в правом верхнем углу старого распечатанного листа.

Элиас вытащил его.

На странице перечислялось несколько обычных фактов.

Габриэль Наварро.

Asteron Technologies.

Модель автомобиля.

Прежний адрес.

Имя Клэр.

Год свадьбы.

Ниже без объяснений стояло несколько дат.

Роуз присела рядом.

— Что это?

— Не знаю.

— Полиция видела?

— Наверняка.

В правом нижнем углу был старый номер копии доказательства. Это явно не была новая улика, случайно пропущенная в коробке. Копию вернули вместе с другими материалами дела.

Элиас продолжил искать.

На другой странице Габриэль входил в Mercer Photography.

Элиас знал это лицо.

Не потому, что встречался с Габриэлем.

Потому что тринадцать лет назад оно постоянно появлялось в новостях.

Теперь Габриэлю было сорок девять. Трое его детей почти выросли. Он всё ещё был женат на Клэр и жил возле Сидар-Риджа.

Элиас ввёл имя в телефоне.

Новые результаты появились быстро.

Местные новости.

Старые статьи.

Расследование тринадцатилетней давности.

Лидия Уоррен.

Сэмюэл Уоррен.

Джулиан Мерсер.

А затем под недавним материалом о Грэме Холте — старая фотография, которую репортёр достал из архива.

Элиас увеличил её.

Роуз спросила:

— О чём ты думаешь?

— Пока ни о чём.

На этот раз это было правдой.

Пока у него ничего не было.

В появлении имени Габриэля в документах Джулиана тринадцать лет назад не было ничего странного. Сэмюэл проверял Габриэля. Джулиан тоже. Полиция уже знала. Эти страницы не доказывали ничего нового.

И всё же Элиас не убрал лист.

Он снова изучил даты.

Одна относилась к событиям тринадцатилетней давности.

Другая была раньше.

Несколько лет находились близко к датам из новостей о серии А, которые он помнил.

Это необязательно что-то означало.

Возможно, не означало вообще ничего.

Роуз наблюдала за ним.

— Элиас.

— М-м?

— Не превращай этого человека в ответ только потому, что хочешь найти ответ.

Элиас поднял глаза.

Фраза напомнила ему о Джулиане.

Не о том, что Джулиан говорил.

О том, чего Джулиан делать не умел.

— Знаю.

Он снова разложил страницы. Оригиналы брать не стал. Только сфотографировал копии, которые имел законное право сохранить.

Перед тем как закрыть коробку, Элиас ещё раз изучил снимок.

Габриэль Наварро выходил из Mercer Photography, повернувшись профилем к улице. Он выглядел обычным клиентом, забирающим фотографию.

Элиас помнил, что отец очень не любил этого человека.

В детстве он не понимал почему.

Позже решил, что причина лишь в том, что Габриэль тоже оказался частью расследования.

Теперь Элиас впервые изменил вопрос.

Не:

«Почему Габриэль был в документах Джулиана?»

А:

«Почему Джулиан так и не убрал Габриэля из них?»

Роуз поднялась.

— Ты нашёл то, что хотел?

Элиас посмотрел на две буквы.

Г. Н.

— Нет.

Он заблокировал телефон.

— Но теперь знаю, что смотреть дальше.

ГЛАВА 21

То, что не осталось незамеченным

Клэр начала понимать: многое она замечала и раньше.

Просто не продолжала всматриваться.

Эта мысль впервые обрела форму самым обычным утром. Габриэль жарил на кухне яйца. Молли искала серёжку и заодно обвиняла Лили в том, что та накануне взяла одну из её заколок. Лили сидела за столом, пила молоко и настаивала, что даже не прикасалась к ней.

Когда вошла Клэр, Габриэль поставил кофе на её обычное место.

Она отпила и подняла глаза.

— Ты добавил молоко?

— Да.

— Зачем?

— Вчера ты сказала, что у тебя болит желудок.

Клэр посмотрела на него.

— И что?

— Не пей слишком крепкий кофе натошак.

— Я завтракаю.

Габриэль взглянул на пустое место перед ней.

Проследив за его взглядом, Клэр первой рассмеялась.

— Я сейчас буду есть.

Габриэль ничего не сказал. Только положил перед ней тост.

Наконец вниз сбегала Молли, держа в руке серёжку.

— Нашла.

Лили покосилась на неё.

— Значит, это и правда была не я.

Молли сердито посмотрела на сестру.

— Почему ты говоришь так, будто разочарована?

— Ничего подобного.

— Именно так.

Они снова принялись спорить.

Клэр слушала их, но мыслями всё ещё была с кофе.

Таких мелочей было множество. Габриэль знал, что при головной боли её раздражает яркий свет. Знал, что после плохо проведённой ночи у неё напрягаются плечи, что, заболев, она всё равно твердит, будто с ней всё в порядке, и что перед официальным школьным мероприятием она всегда переодевается, отвергнув первый выбранный наряд.

После почти двадцати лет брака никто не смог бы делать всё это настолько естественно.

Клэр никогда по-настоящему не сомневалась в любви Габриэля.

Именно в этом и заключалась проблема.

Мужчина, который помнил, что от кофе натошак у неё болит желудок, был тем же мужчиной, который когда-то без её ведома следил за ней и фотографировал, а Лидию полностью вычеркнул из своего прошлого.

Оба Габриэля были настоящими.

В тот день во время свободного урока Клэр сидела за компьютером в глубине класса. Она собиралась найти изображение для занятия. Вместо этого каким-то образом открыла поисковую страницу.

Она не стала вводить «серия А».

Сначала набрала имя Габриэля.

Наверху появились свежие публикации, за ними — статьи тринадцатилетней давности. Клэр наугад открыла одну. На фотографии тридцатишестилетний Габриэль шёл к машине на парковке Asteron.

На другом снимке была и сама Клэр.

Она стояла у полицейского участка с растрёпанными ветром волосами и выглядела более измученной, чем ей запомнилось.

В статье говорилось о возможной связи между исчезновением Лидии Уоррен и расследованием серии А. Габриэля всё ещё допрашивали, но уголовного обвинения ему не предъявили.

Внизу тянулся ряд ссылок на похожие материалы.

Рука Клэр лежала на мыши, однако следующую ссылку она не открыла.

Тринадцать лет назад таких моментов было много.

Что-то оказывалось прямо перед ней. Она могла продолжить расспрашивать. Могла заставить Габриэля превратить одну фразу в две, а две — в полную последовательность событий.

Но дома ждали трое совсем маленьких детей.

Она каждый день уставала. Габриэль по-прежнему мыл Эллиоту голову, вставал ночью к плачущей Молли и прижимал к груди Лили ещё до того, как та научилась толком ходить.

Жизнь без конца подбрасывала Клэр что-нибудь новое.

И прежние вопросы понемногу отодвигались назад.

Не забывались.

Просто оставались без продолжения.

В тот вечер, когда Габриэль вернулся домой, Клэр резала на кухне овощи.

Он посмотрел на неё.

— Голова болит?

— Нет. Устала.

Габриэль забрал у неё нож.

— Я сам.

Клэр не стала спорить. Прислонилась к столешнице и смотрела.

Через некоторое время она спросила:

— Как думаешь, раньше я слишком легко отпускала вопросы?

Руки Габриэля замерли.

— Какие вопросы?

Клэр слабо улыбнулась.

— Весь ты в этом. Сначала всегда уточняешь, какие именно.

— Слишком широкая категория.

— Знаю.

Несколько секунд она молчала.

— Тринадцать лет назад.

Габриэль перестал резать.

Клэр смотрела на его руки.

— Многое ты не хотел мне рассказывать. И о многом я в конце концов перестала спрашивать.

— Да.

— Ты когда-нибудь задумывался почему?

Габриэль помедлил.

— Ты устала. Дети. Полиция. Я.

Клэр посмотрела на него.

— Себя ты поставил последним.

— Это не был порядок значимости.

— Знаю.

Она опустила взгляд на свои руки.

— Я всегда думала, что перестала спрашивать, потому что решила тебе доверять.

Габриэль молчал.

— А теперь начинаю думать, что дело было не только в этом.

— А в чём ещё?

Клэр ответила не сразу.

— Может быть, какая-то часть меня не хотела знать, что ответ сделает с нашей жизнью.

Габриэль не предложил более утешительного объяснения.

Наконец он сказал:

— Возможно.

Клэр ожидала, что ответ причинит боль.

Но боли не было.

Вместо неё она ощутила странное облегчение.

По крайней мере, на этот раз никто не пытался приукрасить для неё прошлое.

Перед тем как подняться наверх, Клэр остановилась в дверях кухни и оглянулась.

Габриэль ставил в холодильник её школьную бутылку с водой на завтра.

И она с абсолютной ясностью поняла: в искренности его нежности она не сомневалась никогда.

Настоящий вопрос всегда заключался в другом: может ли истинная нежность существовать рядом с другими истинами.

ГЛАВА 22

Не говори папе

В четверг Лили вернулась домой раньше обычного.

Клэр раскладывала материалы к завтрашним урокам, когда услышала боковую дверь. Было всего без двадцати четыре.

— Сегодня без художественного кружка?

У лестницы на две секунды повисло молчание.

— Я не пошла.

Клэр вышла и увидела только спину Лили.

На ней была светло-серая толстовка с капюшоном, застёгнутая под самое горло; рукава наполовину закрывали кисти.

— Плохо себя чувствуешь?

— Нет.

Клэр не стала настаивать.

— В холодильнике есть фрукты.

— Хорошо.

Лили поднялась наверх и больше не спустилась.

Молли пришла после четырёх и сразу отправилась искать что-нибудь съестное. На пути она заметила, что Лили уже дома.

— Разве у неё не художественный кружок?

— Она не пошла.

Молли нахмурилась.

— Утром говорила, что пойдёт.

Клэр подняла голову.

— Не ходи наверх и не приставай к ней.

— Я только спрошу.

— Твоё «только спрошу» обычно превращается в допрос.

— Неправда.

Молли всё равно пошла наверх.

Не прошло и трёх минут, как Клэр отчётливо услышала её крик:

— Кто это сделал?

Она отложила то, что держала в руках.

Когда Клэр вошла в комнату Лили, Молли стояла у кровати с серой толстовкой в руках. Лили выглядела ужасно. Она потянулась за одеждой.

— Молли, отдай.

— Кто это написал?

— Я не знаю.

— Не можешь не знать.

— Отдай!

Клэр пересекла комнату.

— Сначала покажи мне.

Молли протянула ей толстовку.

На рукаве у запястья чернела надпись. Кто-то уже пытался стереть её водой, и края расплылись, но слова по-прежнему читались ясно.

ДОЧЬ УБИЙЦЫ

Несколько мгновений Клэр не могла вымолвить ни слова.

Лицо Молли покраснело от ярости.

— Это уже не просто вопросы из-за новостей.

Клэр медленно положила толстовку на кровать.

— Молли, выйди.

— Почему?

— Потому что сначала мне нужно поговорить с Лили.

— Но...

— Выйди.

Молли нехотя направилась к двери. На пороге она оглянулась.

— Если знаешь, кто это сделал, скажи мне.

Лили не отреагировала.

Когда дверь закрылась, Клэр не стала спрашивать имя.

Сначала она села на край кровати.

Лили стояла у письменного стола и без конца теребила край рукава.

— Когда ты это увидела?

— После физкультуры.

— Где лежала толстовка?

— В раздевалке.

— Тебя беспокоят те же ребята?

Лили помолчала.

— Несколько человек.

Клэр захлестнуло желание позвонить в школу, потребовать записи с камер и расспросить учителей.

Но она увидела, как Лили вся сжалась, и заставила себя проглотить каждый вопрос.

— Поэтому ты не пошла в кружок? Не хотела снова их видеть?

Лили опустила голову.

— Двое стояли у двери.

— Ждали тебя?

— Не знаю.

— Тебе так показалось?

— Может быть.

После паузы Лили спросила:

— Ты расскажешь папе?

Клэр не стала лгать.

— Да.

Лили тут же вскинула голову.

— Не надо.

— Лили.

— Пожалуйста, не говори.

Глаза её уже покраснели.

Только тогда Клэр по-настоящему поняла.

Лили боялась не гнева Габриэля.

Она боялась, что и эта история снова окажется историей о нём.

— О нём и так уже говорят, — сказала Лили. — Если папа правда придёт в школу, разговоров станет ещё больше.

— Твой отец никому не будет угрожать.

— Я знаю.

— Тогда чего ты боишься?

Лили опустила глаза.

— Я не хочу, чтобы всё снова свелось к папе.

Клэр застыла.

— Даже когда кто-то пишет на моей толстовке, речь всё равно в итоге о папе.

Клэр притянула её к себе.

Поначалу Лили не двигалась. Через несколько секунд всё же прижалась к матери.

— Это сделал не твой отец, — сказала Клэр. — Это сделал кто-то другой. Ты не обязана нести это ради него.

Лили не ответила.

Клэр ещё немного подержала её в объятиях.

— Мы не можем вечно это игнорировать. Но сегодня не станем решать всё за тебя. Я расскажу папе и передам, что ты не хочешь, чтобы он сразу шёл в школу.

Спустя долгое время Лили кивнула.

— Хорошо.

Когда Клэр вышла, Молли ждала в коридоре.

— Ну?

— Она не знает, кто это сделал.

— Знает.

— Сейчас она не хочет говорить.

Гнев Молли не утих.

— Вот если бы это была я...

Клэр остановила её:

— Не говори «если бы это была я».

Молли умолкла.

— Я знаю, ты хочешь её защитить. Но меньше всего Лили сейчас нужен ещё один человек, который будет решать за неё, как поступить.

Молли легонько пнула стену.

— Я злюсь.

— Ты имеешь право злиться.

— Мне очень хочется кого-нибудь ударить.

Клэр едва не улыбнулась.

— Хотеть тоже имеешь право.

Молли подняла глаза.

— А вот делать это нельзя.

— Нечестно.

— Многое в жизни нечестно.

Вечером Клэр дождалась, когда на кухне не останется детей, и рассказала Габриэлю.

Пока он слушал, лицо его почти ничего не выражало.

Клэр знала: это означало, что он по-настоящему разгневан.

— Её кто-нибудь трогал?

— Она сказала, что нет.

— Угрожал?

— Ничего прямого.

— В школе знают?

— Пока нет.

Габриэль молчал.

Клэр посмотрела на него.

— Она не хочет, чтобы ты сам шёл в школу.

— Почему?

— Боится, что всё раздуется ещё сильнее.

Габриэль опустил взгляд на столешницу.

— Хорошо.

Клэр удивилась.

— И всё?

— Она не хочет, чтобы я шёл.

— Разве тебе не хочется узнать, кто это сделал?

— Хочется.

— И ты не станешь расследовать сам?

Габриэль поднял глаза.

Клэр сразу добавила:

— Школьный сайт, списки участников кружков, социальные сети — всё это считается.

Он две секунды молчал.

— У меня нет имени.

Клэр едва не рассмеялась.

— Это не ответ.

— Знаю.

— Габриэль.

Наконец он кивнул.

— Пока Лили не согласится, ни к одному ученику я не подойду.

Этого было достаточно.

Перед сном Лили узнала, что Габриэль уже всё знает, и первым её чувством стала тревога.

— Он злится?

— Да.

Её лицо изменилось.

— Но он обещал, что не пойдёт прямо в школу.

— Правда?

— Правда.

Она заметно расслабилась.

На сегодня ей было достаточно знать именно это.

Отец сердился.

И всё равно оставил решение за ней.

ГЛАВА 23

У одной истории было много версий

Эллиот начал раскладывать старые статьи по датам, потому что в его воспоминаниях о событиях тринадцатилетней давности не было порядка.

Он не помнил, приехали ли полицейские машины до того, как их отвезли к бабушке с дедушкой. Не знал, когда именно арестовали Джулиана. Имя Лидии вообще не сохранилось в его детской памяти.

В пятницу вечером он распечатал три материала и разложил их на столе.

В первом говорилось, что полиция допросила Габриэля.

Пять дней спустя второй называл его лицом, представляющим интерес для следствия.

Ещё больше чем через десять дней в третьем прямо сообщалось: следователи подтвердили большую часть изложенной Габриэлем хронологии и не предъявили ему уголовных обвинений.

Эллиот долго смотрел на листы.

Если прочитать только один, каждый раз получался бы совершенно другой Габриэль.

В тот вечер Клэр заметила свет из-под его двери. Дважды постучала и вошла.

Её взгляд сразу упал на статьи.

— Что сегодня?

Эллиот подвинул к ней три страницы.

— Всё то же.

Клэр села и медленно их прочитала.

— Новости обновляют.

— Знаю.

— И что?

Эллиот указал на даты.

— Раньше я думал, что расследование против папы было одним событием. Теперь вижу, что оно проходило поэтапно.

Клэр молчала.

— Сначала, возможно, ему просто задавали вопросы. Потом всерьёз подозревали. Затем кое-что подтвердилось, — сказал Эллиот. — Но позднее в нашей семье эта история звучала так: полиция допросила папу, а потом выяснила, что это не он.

Выслушав его, Клэр наконец произнесла:

— Эта версия не была совсем неверной.

— Просто слишком короткой.

Она слабо улыбнулась.

— Думаешь, мы намеренно всё скрывали?

Эллиот покачал головой.

— Нет. Ребёнком я слышал результат, а не сам процесс.

— Тебе было пять.

— А потом?

В вопросе не было упрёка.

И оттого ответить оказалось ещё труднее.

— Потом всё закончилось, — сказала Клэр.

— Поэтому вы об этом не говорили.

— Да.

Эллиот кивнул и снова сложил распечатки.

Только тогда Клэр заметила лежавший рядом блокнот.
В нём были даты.
Ни стрелок, ни красных линий, ни теории с именем убийцы.
— Почему ты так упорно выстраиваешь всё по времени?
— Иначе легко перенести то, что мы знаем сейчас, на то, что люди знали тогда.
Клэр посмотрела на него.
— Что ты имеешь в виду?
— Теперь мы знаем, что Джулиан был убийцей. Оглядываясь назад, легко решить, что полиция должна была знать это уже тогда. Но она не знала.
Клэр не сразу нашлась с ответом.
Мысль была зрелой.
И очень похожей на ход мыслей Габриэля.
— Ты похож на отца.
Эллиот тут же устало посмотрел на неё.
— Многие раскладывают события по датам.
— Знаю.
— В последнее время, стоит мне спокойно что-то сделать, ты смотришь на меня так, будто ищешь в этом папу.
Он был прав.
Клэр не стала оправдываться.
— Прости.
Эллиот не сердился по-настоящему.
— Я не против быть похожим на папу. Просто не говори об этом каждый раз.
Клэр кивнула.
— Хорошо.
Немного помолчав, Эллиот сказал:
— Я помню, как мы жили у бабушки.
Клэр подняла глаза.
— Не всё. Совсем немного. Молли всё спрашивала, когда мы вернёмся домой.
Клэр улыбнулась, хотя глаза защипало.
— Да.
— Папы там не было.
— Не было.
— Почему ты вернулась?
Клэр посмотрела на три статьи.
Она всегда отвечала на этот вопрос самой простой версией.
У полиции не было доказательств.
Всё разрешилось.
Папа этого не делал.
Но сейчас ей не хотелось так сокращать ответ.
— Потому что того, что я знала тогда, было недостаточно, чтобы разрушить наш брак.
Эллиот замолчал.
— Но и не потому, что все вопросы получили ответы.
— Значит, вопросы у тебя оставались.
— Да.
— И сейчас остались?
Клэр некоторое время смотрела на сына.
— Некоторые.
Эллиот не спросил какие.

Клэр почти удивилась.

— Не будешь спрашивать?

— Захочешь — сама расскажешь.

Она улыбнулась.

— С каждым днём ты всё больше похож на отца.

Эллиот вздохнул.

— Мам.

На этот раз рассмеялись оба.

ГЛАВА 24

Он по-прежнему грел ей молоко

Когда в субботу у Клэр разболелась голова, в доме было тихо.

Молли уехала с друзьями практиковаться в вождении. Лили рисовала у себя. Где находился Эллиот, Клэр понятия не имела. Она сидела на диване и проверяла ученические работы. К третьей она уже четырежды прочитала одну и ту же фразу.

Габриэль спустился, прошёл мимо и через два шага вернулся.

— Голова болит?

— Немного.

— Давно?

Клэр подняла глаза.

— Ты теперь врач?

— Нет.

— Тогда не задавай таких профессиональных вопросов.

Габриэль опустил крышку ноутбука.

— Я не закончила.

— Ты уже пять минут ничего не печатала.

Клэр посмотрела на экран и не смогла возразить.

Габриэль вернулся с водой и обезболивающим. Спросил, напряжены ли у неё плечи.

— Немного.

— Повернись.

Клэр повернулась.

Когда его пальцы надавили на шею и плечи, она резко вдохнула.

— Полегче.

— Я и так легко.

— Твои представления о силе ненормальны.

— Хорошо.

Он действительно ослабил нажим.

Клэр закрыла глаза и позволила плечам расслабиться.

Через некоторое время она спросила:

— В последнее время со мной тяжело?

— Не особенно.

— «Не особенно» означает «да».

— Я этого не говорил.

— Но и «нет» не сказал.

Габриэль не ответил.

Клэр рассмеялась над собой.

Немного помолчав, она рассказала о статьях, которые вчера показал ей Эллиот.

Габриэль заметил бумаги на его столе, но не спросил, что тот нашёл.

Клэр повернулась.

— Тебе не было интересно?

— Было.

— Тогда почему не спросил?

— Он сам ко мне не пришёл.

— Как ты терпишь?

Габриэль посмотрел на неё.

— Не всё, что человек хочет узнать, обязательно узнавать немедленно.

Клэр замерла.

Габриэль тоже понял, как для неё прозвучит эта фраза.

— Что?

— Какая ирония.

— В чём?

— Тринадцать лет назад ты часто решал, чего мне знать не нужно. А теперь говоришь, что не всё желаемое обязательно узнавать сразу.

Габриэль не стал уходить от ответа.

— Есть разница.

— Какая?

— Тогда я решал за тебя.

Клэр смотрела на него.

— Сейчас решаю за себя.

После этого она не знала, что сказать.

Наконец спросила:

— Как думаешь, ты сильно изменился?

— Немного.

— Из-за меня?

— Не только.

— Из-за детей?

— И позади них.

— Возраст?

— Возможно.

Клэр улыбнулась.

— Очень исчерпывающий ответ для контроля качества.

Габриэль продолжил массировать ей плечи.

Когда дети вернулись, дом снова наполнился шумом. После десяти Клэр спустилась за водой и увидела, что Габриэль греет молоко.

— Для кого?

— Для тебя.

— Я не просила.

— Сегодня у тебя болела голова, а вечером ты почти ничего не съела.

— Слабая логика.

И всё же она взяла чашку и отпила.

Потом нахмурилась.

— Слишком горячее.

— Дай ему остыть.

Клэр не поставила чашку. Так и держала её в руках.

Через некоторое время она спросила:

— Что бы ты сделал, если бы Эллиот спросил о чём-то, на что тебе очень не хотелось бы отвечать?

Габриэль несколько секунд смотрел на неё.

— Сказал бы, что не хочу отвечать.

— Не стал бы говорить, что ему незачем это знать?

— Нет.

— А если бы он продолжил спрашивать?

— Он вправе продолжать.

— А ты всё равно мог бы отказаться?

— Да.

Клэр беспомощно улынулась.

— Ты понимаешь, что эта твоя версия справедливее и всё равно ужасно раздражает?

— Да.

— Правда?

— Ты много раз это говорила.

Она рассмеялась.

Габриэль подошёл ближе и поцеловал её в лоб так естественно, как дышал.

Клэр не отстранилась.

Молоко всё ещё было слишком горячим. В кухне не происходило ничего особенного.

И всё же Клэр вдруг подумала: именно это было самым трудным за девятнадцать лет брака.

Человек совершил много плохих поступков.

Но он и в самом деле кое-чему научился.

А ей теперь предстояло самой решить, чего стоят эти перемены.

ГЛАВА 25

Она это увидела
В воскресенье вечером Клэр поднялась к Эллиоту, чтобы сказать, что внизу есть фрукты.
Дверь была открыта, но его в комнате не оказалось. В ванной шумела вода — вероятно, он только вышел помыть руки.

Клэр поставила маленькую миску с фруктами на край стола.

Компьютер оставался включённым.

Она лишь хотела приглушить экран. Но стоило коснуться мыши, как страница засветилась ярче.

Наверху стояло имя Габриэля.

Это был материал тринадцатилетней давности.

ПОЛИЦИИ НЕ УДАЛОСЬ НЕЗАВИСИМО ПОДТВЕРДИТЬ ЧАСТЬ ЛИЧНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ НАВАРРО В ТОТ ВЕЧЕР.

Под ним Эллиот оставил короткую заметку.

В более поздних публикациях говорится, что бо́льшая часть хронологии подтверждена.
Что изменилось?

Клэр устала на вопрос.

Не «Папа солгал».

Не «Подозрительно».

Только вопрос.

Она посмотрела в сторону.

На другой временной шкале значились несколько имён.

Лидия Уоррен.

Сэмюэл Уоррен.

Джулиан Мерсер.

Габриэль Наварро.

Рядом с каждым стояли даты — и никаких выводов.

Клэр знала, что должна остановиться.

Но её глаза уже нашли следующую строку.

Исчезновение Лидии — последняя известная встреча с Габриэлем?

Грудь сдавило.

— Мам.

Голос Эллиота прозвучал от двери.

Клэр тут же обернулась.

Он стоял там без явной злости. Посмотрел на компьютер, потом на неё.

— Я не рылась в нём.

— Хорошо.

— Я пришла сказать, что есть фрукты.

— Знаю.

То, что он не сердился, смутило Клэр ещё сильнее.

— Ты не злишься?

— Много увидела?

— Только эту страницу.

— Тогда неважно.

Эллиот вошёл и поправил экран.

Клэр уже собиралась уйти, но осталась.

— Ты дошёл до дня исчезновения Лидии?

— Я лишь выстраиваю хронологию.

— Что писали старые материалы?

— Папа был одним из последних, кто, как подтверждено, видел её.

Клэр нахмурилась.

— Всё было не настолько просто.

Эллиот сразу поднял голову, но сдержался.

— Если не хочешь, можешь не рассказывать.

Клэр смотрела на сына.

Почему-то именно это заставило её остаться.

— Многие материалы выходили слишком поспешно, — сказала она. — Некоторые факты подтвердили лишь позднее. Да и моя память неполна.

Эллиот кивнул, не настаивая.

В комнате стало тихо.

Клэр посмотрела на имена на экране.

— Что ты пытаешься найти?

Эллиот задумался.

— Сначала я хотел понять, был ли папа подозрительнее, чем вы нам рассказывали.

— А сейчас?

— Сейчас хочу понять, почему в конце концов все решили, что вопросы можно больше не задавать.

Клэр медленно подняла глаза.

— Полиция?

— Все вы.

Этот вопрос был труднее, чем вопрос о том, был ли папа убийцей.

— Потому что Джулиана арестовали, — сказала Клэр.

— Но так и не доказали, что серия А — его дело.

— Нет.

— Тогда почему?

Клэр долго молчала.

— Потому что жизнь должна была продолжаться.

Эллиот прислонился к столу.

— Это ответ?

— Да.

— Хороший?

Клэр слабо улыбнулась.

— Не обязательно.

Она встала, чтобы уйти.

У двери Эллиот остановил её.

— Мам.

— Мм?

— Если я когда-нибудь найду что-то, чего ты не знаешь, ты захочешь, чтобы я рассказал?

Клэр замерла.

Вопрос казался простым.

Но ответить на него она совершенно не могла.

— Ты что-то нашёл?

— Сейчас — нет.

— Правда?

— Правда. Спрашиваю заранее.

Клэр оглянулась на компьютер.

Тринадцать лет назад она тоже стояла перед множеством ответов.

За некоторыми пошла.

За другими — нет.

В итоге она смогла сказать лишь:

— Не знаю.

Эллиот кивнул, не разочарованный и не пытающийся её переубедить.

Клэр не хотелось так быстро заканчивать разговор.

— А ты?

— Что?

— Ты бы захотел знать?

Эллиот почти не раздумывал.

— Да.

— Даже если уже не сможешь притвориться, будто не видел?

— Да.

Клэр несколько секунд смотрела на него.

— Ты похож на отца.

Эллиот вздохнул.

— Опять?

Клэр улыбнулась.

Но, вернувшись в спальню, ещё долго лежала без сна.

Вопрос не отпускал её.

Если Эллиот действительно найдёт что-то ей неизвестное, захочет ли она узнать?

Клэр всегда думала, что больше всего боится оставшихся у Габриэля тайн.

Теперь она поняла: кое-что могло пугать её сильнее.

Если ответ уже существовал —

готова ли она была посмотреть?

ГЛАВА 26

Сегодня я не хочу идти

В понедельник утром Лили встала в дверях кухни и сказала:

— Мам, сегодня я не хочу идти в школу.

Клэр замерла с кофейником в руке. Лили уже оделась, причесалась, у ног стоял рюкзак. Это не было внезапным решением, принятым сразу после пробуждения. Она дошла до самого последнего шага и только тогда поняла, что действительно не хочет выходить из дома.

Габриэль обернулся от плиты.

— Плохо себя чувствуешь?

— Нет.

— Плохо спала?

— Нормально.

Молли подняла глаза на сестру.

— Эти люди опять...

Клэр взглянула на неё.

Молли тут же умолкла.

Клэр поставила кофейник.

— Хочешь сегодня остаться дома?

Лили кивнула.

— Хорошо.

Лили уставилась на неё.

— Хорошо?

— Да.

Даже Молли удивилась.

— И всё?

Клэр повернулась к ней.

— Ты тоже хочешь остаться дома?

— Нет.

— Тогда ешь завтрак.

Молли снова принялась за еду, хотя явно считала, что в семейных правилах только что обнаружилась огромная лазейка.

Лили всё ещё не садилась.

— Ты не спросишь почему?

— Можешь рассказать, если хочешь.

Она ещё немного постояла, потом наконец выдвинула стул.

— Просто не хочу ещё один день следить, кто следит за мной.

Клэр кивнула.

— Тогда отдохни сегодня.

— А завтра?

— Решим завтра.

Габриэль поставил перед ней завтрак.

— Только не читай весь день эти статьи.

Лили нахмурилась.

— Почему?

— Ты остаёшься дома, чтобы от этого отдохнуть.

— И что?

— Восемь часов лежать в кровати и читать, что посторонние пишут о папе, вряд ли поможет.

Лили посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь, что я так и сделаю?

Габриэль помедлил.

— Предположение.

Молли рассмеялась.

— Папины предположения обычно означают, что он уже знает.

— Я не знаю.

— Знаешь.

Даже Лили немного улыбнулась.

От этой маленькой улыбки Клэр снова смогла вздохнуть свободно.

Она боялась, что, разрешив Лили остаться дома, научит её убегать. Но, глядя на четырнадцатилетнюю дочь за столом, вдруг подумала: иногда выходной может быть просто выходным. Не каждое решение обязано чему-то учить.

Клэр, как обычно, отправилась на работу. В обед написала Лили, но не спросила, расстроена ли она. Только:

Ты поела?

Через десять минут Лили прислала фотографию миски лапши быстрого приготовления.

Клэр сразу ответила:

Это не обед.

Лили написала:

Там есть яйцо.

Клэр улыбнулась экрану.

Вернувшись днём, она увидела Лили на полу в гостиной за рисунком. Телевизор работал, но показывал не новости, а старый фильм, который Лили видела уже много раз. На журнальном столике лежало надкушенное яблоко — доказательство, что кроме лапши в её желудок всё же попало хоть что-то.

Клэр поставила сумку.

— Как прошёл день?

— Нормально.

— Помогло?

Лили задумалась.

— Да.

— Жалеешь, что не пошла?

— Немного.

Клэр села рядом.

— Почему?

— Сегодня на рисовании начали новый проект.

— Завтра спросишь у кого-нибудь.

— Да.

Некоторое время они молча сидели рядом.

Потом Лили сказала:

— Завтра я хочу пойти.

Клэр посмотрела на неё.

— Уверена?

— Да.

— Хорошо.

— Не скажешь: «Я так и знала»?

— С чего бы?

Лили пожала плечами.

— Взрослые любят такое говорить.

Клэр улыбнулась.

— Тогда сегодня я постараюсь быть одной из тех, кто раздражает поменьше.

Вечером Лили сама сказала вернувшемуся Габриэлю, что завтра собирается в школу.

Он положил ключи.

— Подвезти тебя?

— Нет.

— Уверена?

— Да.

— Хорошо.

Лили подождала две секунды.

Габриэль уже опустил глаза к почте на столе.

— И всё?

Он поднял голову.

— А что ещё?

— Не скажешь, что я должна быть смелой?

— Ты уже решила идти.

— Или что мне не надо обращать на них внимания?

— Ты можешь не обращать?

Лили подумала.

— Наверное, нет.

— Тогда не стану этого говорить.

Стоя на кухне, Клэр изо всех сил старалась не рассмеяться.

Лили не нашлась с ответом и в конце концов тоже засмеялась.

Когда она поднялась вверх, Клэр подошла к Габриэлю.

— Ты становишься настоящим мастером.

— В чём?

— В разговорах с подростками.

Габриэль нахмурился.

— Раньше не был?

Клэр посмотрела на него.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответила?

Он секунду подумал.

— Неважно.

ГЛАВА 27

На следующий день

На следующее утро Лили спустилась десять минут раньше обычного.

Клэр постаралась не придавать этому слишком большого значения.

— Что будешь на завтрак?

— Тост.

— Только тост?

— И фрукты.

Габриэль уже поставил тарелку с фруктами на её место.

Надевая пальто, Молли следила за сестрой.

— Ты правда идёшь?

Лили нахмурилась.

— Не говори так, будто я отправляюсь на войну.

— Я только спросила.

Эллиот достал из холодильника бутылку воды.

— По твоему лицу не скажешь, что ты только спросила.

Молли повернулась к нему.

— В последнее время ты ужасно раздражаешь.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

Лили рассмеялась.

Обычная перепалка, казалось, успокоила её лучше всего остального.

Перед уходом Габриэль снова спросил:

— Подвезти?

— Нет.

— Хорошо.

Лили подняла рюкзак. У двери остановилась.

— А если днём я захочу, чтобы ты меня забрал?

— Напиши мне.

— Ты разве не будешь работать?

— Я смогу всё устроить.

— Хорошо.

Она ушла.

Клэр стояла в дверях и смотрела вслед машине.

Габриэль прошёл за её спиной.

— Ей не пять лет.

— Знаю.

— По тебе не скажешь.

Клэр обернулась.

— Помолчи.

Габриэль благоразумно вернулся на кухню.

В 10:07 Лили прислала первое сообщение.

Всё нормально.

Клэр некоторое время смотрела на эти два слова, потом ответила:

Хорошо.

Она не спросила, говорил ли кто-нибудь что-нибудь. Не спросила, кто на неё смотрел и пришли ли сегодня в школу те ученики.

В 15:12 пришло ещё одно сообщение.

Я иду в художественный кружок.

На этот раз Клэр улыбнулась по-настоящему.

Лили вернулась позже обычного и сразу пошла за водой. Клэр готовила ужин. Несколько раз взглянула на дочь и наконец спросила:

— Как прошёл день?

— Очень обычно.

— Сегодня «обычно» — это хорошо?

— Сегодня — да.

Она отпила воды, затем сама добавила:

— Ко мне приходила школьный психолог.

Клэр остановилась.

— Почему?

— Кажется, кто-то из учителей услышал, что все пересылают эти вещи. Она спросила, хочу ли я, чтобы школа занялась этим официально.

— Что ты ответила?

— Да.

Клэр искренне удивилась.

Лили это заметила.

— Что?

— Ничего. Я думала, ты этого не хочешь.

— Я не хотела, чтобы вы все ворвались в школу.

— Мы не ворвались.

— Поэтому теперь всё нормально.

Клэр улыбнулась.

— Справедливо.

Лили поставила стакан.

— Но я сказала, что не хочу, чтобы всех вызывали в кабинет, а потом они вышли оттуда, зная, что это я на них пожаловалась.

— И что она ответила?

— Постарается разобраться тихо.

— Тебя это устраивает?

Лили кивнула.

Клэр не стала говорить, как гордится ею, и превращать всё в знаменательный момент взросления. Просто снова взялась за овощи.

— Тогда пока на этом и остановимся.

Вечером Лили сама рассказала Габриэлю.

Выслушав её, он спросил:

— Тебе так спокойнее?

— Да.

— Значит, так и поступим.

Лили пристально посмотрела на него.

— Не спросишь, кто это был?

— Можешь рассказать, если хочешь.

Она две секунды смотрела на него, потом перевела взгляд на Клэр.

Смысл этого взгляда был совершенно ясен.

Клэр пыталась сдержаться, но всё равно рассмеялась.

— Не смотри на меня.

Лили пробормотала:

— В последнее время вы оба какие-то странные.

Габриэль спросил:

— В каком смысле?

— Слишком уважительные.

Клэр расхохоталась.

Габриэль явно не понимал, что здесь смешного.

ГЛАВА 28

Это не смешно

Школа отреагировала не так быстро, как представляла Клэр, и не так сурово, как надеялась Молли.

На следующий день никого не отстранили от занятий, и никто внезапно не признался, что написал на толстовке Лили. Тот участок раздевалки не попадал в поле зрения камер, а во время физкультуры там прошло слишком много учеников. В итоге школа смогла подтвердить лишь то, что несколько человек пересылали в групповом чате старые фотографии Габриэля и мемы.

В четверг днём психолог спросила, согласна ли Лили на короткую встречу.

Сначала она не хотела идти.

Но всё-таки пошла.

Напротив неё сидела одна из девочек, гораздо тише обычного. Учительница попросила её объяснить, что произошло. Та сказала несколько фраз, потом тихо добавила:

— Это была просто шутка.

Лили посмотрела на неё.

Раньше она, вероятно, ответила бы, что ничего страшного. Не потому, что действительно так считала, а потому, что хотела бы поскорее закончить неловкий разговор.

На этот раз она этого не сказала.

— Это не смешно.

Девочка моргнула.

— Я же не говорила, что твой отец правда кого-то убил.

— Тогда это ещё менее смешно.

В комнате стало тихо.

Учительница не приняла сразу ничью сторону и не заставила Лили принять извинения. В итоге школа внесла официальные замечания о поведении в личные дела нескольких учеников, участвовавших в распространении материалов и травле, и уведомила их родителей. Поскольку установить, кто написал на толстовке, не удалось, за это никого отдельно не наказали.

Вернувшись домой, Лили изложила всё вкратце.

Первой реакцией Молли было:

— И всё?

Лили посмотрела на неё.

— А чего ты ожидала?

— Хотя бы отстранения.

— Почему ты так хочешь, чтобы кого-нибудь отстранили?

— Потому что они исписали твою одежду.

— Они не знают, кто это сделал.

— Очевидно же, кто-то из них.

В этот момент по лестнице спускался Эллиот.

— «Очевидно» — не доказательство.

Молли сердито уставилась на него.

— Ты что, поселился в полицейском участке?

— Нет.

— У тебя каждая фраза — доказательство, доказательство, доказательство.

— Потому что у тебя каждая фраза — очевидно, очевидно, очевидно.

Клэр прижала пальцы ко лбу.

— Вы двое можете не превращать проблему Лили в собственную ссору?

Они наконец замолчали.

А Лили рассмеялась.

— На самом деле всё прошло нормально.

Клэр посмотрела на неё.

— Правда?

— Да.

— Ты приняла извинения той девочки?

Лили задумалась.

— Не знаю.

— Ты не обязана знать.

— Она сказала, что это была просто шутка.

— Угу.

— А я ответила, что это не смешно.

Вечером Лили снова рассказала обо всём вернувшемуся Габриэлю.

— Она сказала, что это была просто шутка.

Габриэль поднял глаза.

— И что потом?

— Я ответила, что это не смешно.

— Молод...

Лили тут же подняла руку.

— Не говори «молодец».

Габриэль замер.

Клэр рядом уже смеялась.

Он обдумал возможные ответы.

— Хорошо.

Лили осталась довольна.

Одна встреча в школе не заставила проблему исчезнуть. В последующие дни люди по-прежнему чуть дольше обычного смотрели на Лили в коридорах. Некоторые спрашивали, не «настучала» ли она на кого-нибудь. Но понемногу всеобщее внимание захватили новые контрольные, сплетни и игры.

Старые фотографии Габриэля перестали каждый день появляться в ученических чатах.

Для Лили настоящая перемена заключалась не в том, что все вдруг стали добрее. Впервые она поняла: когда кто-то говорит, что это всего лишь шутка, она не обязана смеяться вместе со всеми только ради того, чтобы неловкий момент поскорее закончился.

ГЛАВА 29

Недостаточно

Сфотографировав материалы с пометкой «Г. Н.», Элиас несколько дней к ним не возвращался.

Он знал, что его пугало.

Не Габриэль Наварро.

А то, насколько сильно ему хотелось найти ответ.

В пятницу вечером он снова пришёл к Роуз на ужин. Пока она ставила на стол суп, он смотрел в телефон, и, едва сев, она спросила:

— Опять вещи Джулиана?

Элиас не стал отрицать.

— Немного.

— Когда ты говоришь «немного», обычно это не так.

— Возможно, я перенял эту привычку у кое-кого.

Роуз выразительно посмотрела на него.

— Не сваливай каждую дурную привычку на отца.

Элиас улыбнулся.

Посреди ужина он всё же открыл файлы и показал ей.

На одной фотографии была копия материалов «Г. Н.», оставленных Джулианом: прежние адреса Габриэля, Asteron, сведения об автомобиле и несколько дат без объяснений.

Роуз внимательно изучила снимок.

— Что ты нашёл?

— Одна из этих дат — за несколько лет до того, как Сэмюэл вернулся расследовать исчезновение Лидии.

Она нахмурилась.

— И что это значит?

Элиас покачал головой.

— Не знаю.

— Тогда пока не заставляй это что-либо значить.

Он поднял на неё глаза.

Роуз отпила воды.

— Ты всё повторяешь, что не хочешь стать своим отцом. Так не повторяй худшего из того, что он делал.

Элиас молчал.

— Не решай сначала, что человек собой представляет, чтобы потом задним числом искать доказательства.

Слова попали точно в цель.

Элиас положил телефон на стол.

— Знаю. Поэтому я не отнёс это в полицию.

— Ты думал об этом?

— Конечно.

— Почему не отнёс?

— Потому что тринадцать лет назад они уже изучали эти материалы.

Роуз кивнула.

— Вот именно.

— Но что-то всё равно не сходится.

— Что?

Элиас увеличил одну страницу.

— Джулиан начал следить за Габриэлем не после возвращения Сэмюэла. Раньше.

— Возможно, из-за Лидии.

— Да.

— Это было бы логично.

— Было бы.

И всё же телефон он не убрал.

Роуз наблюдала за ним.

— Тебе не нравится такой ответ?

— Дело не в этом.

Элиас задумался.

— Если причиной была только Лидия, я хочу знать, почему после этого он всё сохранил.

— Твой отец хранил множество вещей.

— Не так.

Лицо Роуз постепенно замкнулось.

Элиас слишком хорошо знал, как Джулиан систематизировал сведения о тех, за кем наблюдал.

Не каждый человек оставался в его архивах так надолго.

Материалы о Габриэле охватывали разные периоды: до исчезновения Лидии или примерно в то время, после возвращения Сэмюэла и даже после того, как Габриэль женился и у него появились трое детей.

Джулиан продолжал их обновлять.

Это не доказывало, что Габриэль кого-то убил.

Не доказывало даже, что Джулиан подозревал в нём убийцу серии А.

В лучшем случае это означало: для Джулиана вопрос о Габриэле Наварро так и не был закрыт.

Роуз спросила:

— Что собираешься делать дальше?

Элиас покачал головой.

— Пока не знаю.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Впервые ты довольна тем, что я чего-то не знаю.

— Потому что не знать безопаснее, чем знать неверное.

Перед уходом Элиас вернул фотографии в зашифрованную папку.

Он не отправил их полиции.

И не просидел до трёх утра в поисках информации о Габриэле в интернете.

Этого было недостаточно.

Он должен был постоянно себе об этом напоминать.

Пока что Габриэль Наварро был вопросом.

Не ответом.

ГЛАВА 30

Ты хочешь знать?

В воскресенье вечером в доме было непривычно тихо.

Молли разговаривала наверху с подругой по видеосвязи, а Лили заперлась в комнате, заканчивая рисунок. Габриэль уехал помочь Роберту вернуть отремонтированный принтер. Клэр одна сидела на кухне и готовила материалы к урокам на следующую неделю.

За полчаса она написала три строки.

Эллиот спустился с двумя листами бумаги.

Клэр увидела их.

— Ещё?

— Да.

— Много ты распечатал?

— Не очень.

Она подняла на него глаза.

Эллиот сам поправился:

— Кое-что.

Он сел напротив, но не сразу подвинул листы.

— Для начала: это не новое доказательство.

Клэр невольно улыбнулась.

— Теперь ты даёшь предупреждения?

— Потому что при виде такого у тебя меняется лицо.

— Настолько заметно?

— Немного.

— Спасибо.

Только тогда Эллиот протянул ей первый лист.

Это был материал тринадцатилетней давности. В нём сообщалось, что полиции пока не удалось независимо подтвердить часть личных перемещений Габриэля в тот день.

Вторая статья вышла примерно через неделю.

Формулировка изменилась: полиция подтвердила большую часть изложенной Габриэлем хронологии, хотя подробности некоторых личных встреч не разглашались.

Клэр медленно прочитала оба листа.

— Наверное, я уже это видела.

— Помнишь, почему изменилась формулировка?

— Нет.

— Где папа был в тот день?

Клэр нахмурилась.

— В какой день?

— Примерно тогда, когда исчезла Лидия.

Её движения замедлились.

Слишком много старых дат слилось воедино: Лидия, Сэмюэл, Джулиан, полиция и время, когда Клэр ушла из дома с тремя детьми. Тринадцать лет спустя она уже не могла отделить то, что действительно знала тогда, от рассказанного Габриэлем позднее или от пробелов, которые сама со временем заполнила — просто потому, что с такой версией было легче жить.

— Честно говоря, я не уверена, — сказала она.

Эллиот кивнул.

— Я тоже.

Клэр положила листы на стол.

— Тогда зачем ты их принёс?

— Я начинаю понимать, что не знаю, что уже известно тебе.

Она посмотрела на него.

Эллиот продолжил:

— Некоторые статьи при чтении кажутся серьёзными, но, может быть, ты спрашивала о них тринадцать лет назад. Может, полиция уже всё объяснила. Или папа рассказал позднее. Если я буду разбираться во всём один, мне придётся слишком многое додумывать.

Клэр немного помолчала.

— Значит, хочешь, чтобы я расследовала вместе с тобой?

— Не обязательно.

— Тогда чего ты хочешь?

— Просто думаю, что, если найду ещё один вопрос, мне нужно знать, хочешь ли ты его услышать.

Клэр опустила глаза к страницам.

— Почему я?

— Потому что кое-что касается всех нас, — сказал Эллиот. — Но кое-что — только тебя и папы.

Грудь слегка сжалась.

Эллиоту было всего восемнадцать, но он уже понимал: одни истины принадлежат детям, а другие — прежде всего супругам.

— Я не хочу заставлять тебя смотреть только потому, что сам хочу знать.

Клэр долго молчала.

Тринадцать лет она находила множество причин не касаться старых вопросов.

У полиции не было доказательств.

Джулиан был убийцей.

Габриэль был хорошим мужем.

Их троим детям была нужна нормальная жизнь.

Прошло время.

Жизнь продолжилась.

Ни одна из этих причин не была ложной. Но впервые Клэр увидела: ответами на вопросы они тоже никогда не являлись.

Эллиот не торопил её.

Спустя долгое время он спросил:

— Мам, ты хочешь знать?

Клэр посмотрела на сына.

Она вспомнила свой ответ несколько вечеров назад.

Не знаю.

На самом деле с тех пор она постоянно об этом думала.

Если Эллиот найдёт что-то ей неизвестное, захочет ли она услышать?

Если в прошлом Габриэля есть часть, которую она никогда по-настоящему не видела, готова ли она вытащить её на свет?

Ответ пугал.

Но на этот раз ей не хотелось снова убирать вопрос подальше с помощью «не знаю».

— Да.

Эллиот не пошевелился.

Клэр вдохнула.

— Я хочу знать.

— Хорошо, — сказал он.

И больше ничего.

Он не стал сразу открывать компьютер или выкладывать перед ней десяток файлов.

Вместо этого Клэр почувствовала, как расслабляется.

— Сегодня смотреть не будем?

Эллиот покачал головой.

— Уже поздно.

Клэр взглянула на часы.

— Без двадцати десять — это поздно?

— Завтра тебе вставать в семь.

Несколько секунд она смотрела на него.

— Ты и правда становишься всё больше похож на отца.

Эллиот закрыл глаза.

— Мам.

Наконец Клэр рассмеялась.

Но на этот раз она знала: что-то изменилось.

Не потому, что они что-то обнаружили.

Впервые за тринадцать лет она больше не стояла перед ответом, ожидая, пока кто-то другой решит, стоит ли ей его давать.

Она сама сделала к нему шаг.

ГЛАВА 31

Дело было не в том, что он не мог объяснить

На следующий день Эллиот не принёс Клэр ничего нового.

Из-за этого она лишь ещё острее ощущала ожидание.

Во вторник вечером, когда все пятеро поужинали, Молли и Лили снова заспорили о том, кто последним пользовался зарядным кабелем в гостиной. Габриэль убирал на кухне. Клэр собиралась подняться наверх, но, проходя мимо обеденного стола, заметила открытый компьютер Эллиота.

Он сидел рядом, однако не позвал её.

Клэр остановилась.

— Сегодня для меня ничего нет?

— Есть.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Какое?

— Папино: «у меня есть вопрос, но я подожду, пока ты сама спросишь».

Эллиот беспомощно посмотрел на неё.

— Правда нет.

Клэр всё равно выдвинула стул.

— Покажи.

Эллиот развернул к ней компьютер.

На экране были открыты две статьи тринадцатилетней давности. Их опубликовали с разницей всего в три дня, и обе упоминали последние известные контакты Лидии Уоррен перед исчезновением.

В первой говорилось:

Наварро не смог полностью изложить следователям содержание своего последнего личного разговора с Уоррен.

Клэр прочитала, и брови её медленно сошлись.

— Следующая.

Эллиот прокрутил страницу.

Другое издание сформулировало иначе:

По словам источников в полиции, Наварро отказался обсуждать отдельные части личного разговора, однако следователи не заявляли, что он не мог объяснить свои перемещения.

Клэр долго смотрела на второй отрывок.

Эллиот не сразу заговорил.

В конце концов Клэр сказала сама:

— Это не одно и то же.

— Знаю.

— В одной статье сказано, что он не мог объяснить. В другой — что не хотел.

— Да.

Клэр придвинула компьютер и снова прочла первую статью.

Тринадцать лет назад новостей было слишком много. Каждый день приносил новый заголовок, и каждому журналисту будто было известно чуть больше, чем предыдущему. Клэр не помнила, видела ли эти две статьи, а тем более — заметила ли тогда разницу.

— Какая, по-твоему, правдива? — спросил Эллиот.

— Возможно, авторы обеих считали, что пишут правду.

— В каком смысле?

— Журналисты могли получить разные сведения. Или по-разному изложить одно заявление полиции.

Эллиот кивнул.

— Поэтому я и не написал, что одна из них неверна.

Клэр посмотрела на его заметки.

Рядом со статьями была всего одна строка:

Не мог объяснить? Или отказался?

Она молчала.

Эллиот подождал.

— Ты помнишь?

— Что именно?

— Папа действительно не знал, как это объяснить, или просто не хотел?

Первым порывом Клэр было сказать, что прошло слишком много времени.

Слова уже поднялись к губам, но не прозвучали.

Потому что это она помнила.

Не всё.

Но это — помнила.

Габриэль никогда не говорил, будто забыл, что Лидия сказала ему в их последнем разговоре.

Он просто отказался раскрывать некоторые его части.

— Он помнил, — сказала Клэр.

Эллиот поднял глаза.

— По крайней мере, в той версии, которую помню я, дело было не в том, что он не знал.

— Тогда почему не сказал?

— Это был личный разговор.

— О чём?

Клэр покачала головой.

— Этого я действительно не знаю.

— И полиция тоже не знала?

— Возможно, часть они знали.

— А ты?

Клэр посмотрела на экран и ответила не сразу.

— Не всё.

Эллиот тихо подал знак, что понял.

Больше он не спрашивал.

С кухни донёсся звук закрывающегося шкафчика. Клэр невольно оглянулась. Габриэль по-прежнему готовил продукты к завтрашнему завтраку. Он не заметил их — или заметил и решил не подходить.

Эллиот проследил за её взглядом.

— Значит, тринадцать лет назад проблема была не в том, что у папы не было ответа.

Клэр медленно повернулась к нему.

— Ответ у него был. Он просто не хотел его давать.

Это различие внезапно изменило весь вопрос.

Клэр не стала оправдывать Габриэля.

В конце концов она лишь сказала:

— По крайней мере в этой части — да.

ГЛАВА 32

Версия, которую она помнила

Клэр считала, что оставила большую часть событий тринадцатилетней давности позади.

Но в среду вечером она нашла на дне шкафа наверху старую папку и поняла: к некоторым вещам просто долго никто не прикасался.

Папка была синей, с мягко истёршимися уголками.

В ней не было ни конфиденциальных материалов полиции, ни доказательств, способных возобновить дело. Только несколько вещей, сохранённых самой Клэр: бумаги от адвоката, несколько распечатанных статей, номера телефонов полицейских и горстка записок, о которых она уже не помнила.

Она сидела на полу, перебирая их, когда в дверях спальни появился Габриэль.

— Что ищешь?

Клэр подняла глаза.

— Вообще-то медицинские документы Лили за детские годы.

Габриэль взглянул на папку у неё в руках.

— А нашла это.

— Угу.

Клэр продолжила перебирать бумаги.

— Ты знал, что она у меня осталась?

— Нет.

— Я тоже не знала.

Габриэль не подошёл и не попытался забрать папку.

Он просто стоял на месте.

Клэр нашла записку, написанную тринадцать лет назад.

Почерк был торопливым и неровным.

Лидия — последняя встреча. Он не хочет сказать, что она говорила обо мне.

Рука Клэр замерла.

Всего одна короткая строка.

Но она вернула почти целый вечер тринадцатилетней давности.

Клэр сидела на краю кровати и спрашивала Габриэля, откуда Лидия знала о ней. Габриэль признал, что Лидии было известно: он наблюдал за Клэр. Признал, что Лидия упоминала её. Но отказался рассказать всё, сказанное в их последнем разговоре.

Клэр даже помнила, как сильно разозлилась.

А затем слишком многое произошло одновременно, и вопрос отодвинули в сторону.

Сэмюэл погиб.

Джулиан попал под следствие.

Полиция обыскала дом.

Детей увезли к бабушке.

Брак едва не распался.

К тому времени, когда всё понемногу успокоилось, Клэр уже не спрашивала каждый день, что Лидия сказала Габриэлю при их последней встрече.

Ответа она так и не получила.

Жизнь просто унесла вопрос с собой.

Габриэль всё ещё стоял у двери.

— Что ты читаешь?

Клэр подняла записку.

— Собственный почерк.

Он подошёл ближе. Увидев слова, ничего не сказал.

— Я действительно это забыла.

— Да.

Клэр посмотрела на него.

— А ты — нет, правда?

Габриэль немного помолчал.

— Нет.

Она наблюдала за ним.

На этот раз не стала спрашивать сразу.

Габриэль тоже не предложил объяснений.

Клэр вернула записку в папку.

— Вчера Эллиот показал мне две статьи. В одной говорилось, что ты не смог объяснить, о чём говорил с Лидией при последней встрече. В другой — что ты отказался объяснять.

— Вторая ближе к правде.

— Я тоже так помню.

— Угу.

Клэр закрыла папку, но не встала.

— Знаешь, что самое странное?

Габриэль ждал.

— Я помнила, что многого ты мне так и не рассказал. Но с годами версия у меня в голове постепенно стала такой: полиция в конце концов во всём разобралась, а остальное преувеличили журналисты.

Габриэль прислонился к шкафу.

— Отчасти это правда.

— Знаю.

— Но не во всём.

Клэр посмотрела на него.

— Не во всём, — повторил Габриэль.

В комнате стало тихо.

Признание её не утешило.

Но ещё меньше Клэр нравилась другая возможность: что Габриэль попытался бы успокоить её, снова предложив простую версию прошлого.

Она провела пальцами по краю старой папки.

— Мне всё труднее отличить то, с чем тогда действительно разобрались, от того, о чём люди просто перестали спрашивать.

Габриэль не ответил.

Клэр подняла глаза.

— Ты можешь отличить?

— Да.

Она едва не рассмеялась.

Не потому, что было смешно.

— Конечно, можешь.

Габриэль не отвёл взгляда.

Клэр положила папку рядом и наконец поднялась.

— Завтра я задам тебе вопрос.

— Хорошо.

— Не хочешь узнать какой?

— Завтра узнаю.

Клэр несколько секунд смотрела на него.

— Иногда ты невыносимо раздражаешь.

— Знаю.

Когда она проходила мимо, Габриэль наклонился и смахнул немного пыли с её брюк.

Клэр посмотрела на его руку.

А потом пошла дальше.

Даже теперь он всё ещё оставался Габриэлем.

ГЛАВА 33

Что она сказала?

Клэр не стала ждать следующего вечера.

В четверг утром обе девочки уже ушли, а Эллиот направлялся с сумкой в гараж. Габриэль стоял у кухонной стойки и пил кофе. Клэр искала ключи, но вдруг остановилась.

— Габриэль.

— Мм?

— Во время вашей последней встречи Лидия говорила, что собирается найти меня?

Чашка замерла у его рта.

Клэр поняла, что задала правильный вопрос.

Не потому, что он запаниковал.

При подобных вопросах Габриэль почти никогда не показывал паники.

Но паузы в полсекунды было достаточно.

— Она упомянула тебя, — сказал он.

— Я знаю, что она меня упомянула.

Клэр положила ключи на стойку.

— Я спрашиваю, сказала ли она, что собирается меня найти.

Габриэль не ответил.

Клэр ждала.

Вдалеке закрылась дверь гаража. Эллиот уехал. Внезапно они остались в доме вдвоём.

— Габриэль.

— Она дала это понять.

Клэр почувствовала, как сжалась грудь.

— Что это значит?

— Она считала, что тебе следует кое-что знать.

— Что именно?

Габриэль поставил чашку.

— Обо мне.

— Что именно обо мне?

Молчание.

Клэр один раз кивнула.

— Значит, тринадцать лет назад дело было не в том, что ты не знал, что она сказала.

— Нет.

— И не в том, что полиция задала неверный вопрос.

— Нет.

— Ты просто не хотел им говорить.

— Верно.

Ответ был слишком ясным.

И от этого Клэр разозлилась ещё сильнее.

— Почему?

Габриэль посмотрел на неё.

— Потому что это повлияло бы на тебя.

Клэр коротко рассмеялась.

— Ты слышишь себя?

— Да.

— Именно так ты поступал тогда. Решал, что повлияет на меня, а потом разбирался сам.

— Да.

— Что она хотела мне рассказать?

Габриэль ответил не сразу.

Клэр уже знала, что произойдёт дальше.

Но на этот раз не стала заканчивать фразу за него.

— Скажи мне.

Габриэль заговорил лишь спустя долгое время.

— Я не хочу отвечать.

Лицо Клэр постепенно стало жёстким.

— Даже сейчас?

— Да.

— Почему?

— Потому что по-прежнему не хочу тебе говорить.

— Не потому, что мне незачем знать?

— Нет.

— Не потому, что так будет лучше для меня?

— Нет.

— Только потому, что ты не хочешь?

— Да.

Клэр смотрела на него.

Ответ всё равно приводил в ярость.

В каком-то смысле даже сильнее, чем красивое оправдание.

И всё же приходилось признать: это отличалось от того, что было тринадцать лет назад.

Тогда Габриэль сам решал за неё, имеет ли ответ значение.

Теперь хотя бы признавал, что отказывается отвечать.

Клэр взяла ключи.

— Я всё ещё злюсь.

— Знаю.

— И не думай, что это считается честностью.

— Не думаю.

— Просто теперь ты совершаешь на одну ошибку меньше, чем раньше.

Габриэль посмотрел на неё.

— Хорошо.

Клэр уже дошла до двери, но снова остановилась.

— Я была одной из причин вашей ссоры с Лидией?

Габриэль молчал.

На этот раз ещё дольше.

— Одной из причин.

Клэр сильнее сжала ключи.

— До исчезновения она знала, что ты следишь за мной?

Габриэль посмотрел на неё.

— Да.

Получив ответ, Клэр больше ничего не спросила.

Не потому, что не хотела.

Если бы она продолжила, то действительно не попала бы в тот день на работу.

Она открыла дверь.

Габриэль окликнул её:

— Клэр.

Она не обернулась.

— Поговорим вечером.

— Хорошо.

Клэр вышла.

Всю дорогу до школы в её голове оставался один очень простой факт.

Лидия была не просто бывшей девушкой, не связанной с Клэр, существование которой муж позднее намеренно от неё скрыл.

Перед исчезновением Лидия собиралась сама рассказать Клэр кое-что о Габриэле.

И Габриэль всегда это знал.

ГЛАВА 34

На «Г. Н.» дело не закончилось

Элиас думал, что ему нужно подтвердить лишь одну дату.

Но чем дольше он смотрел, тем меньше всё походило на вопрос об одной-единственной дате.

Снова открыв коробку в доме Роуз, он разложил на обеденном столе по порядку копии, связанные с «Г. Н.». Материалы были неполными и не содержали скрытого признания. Тринадцать лет назад полиция уже видела большую их часть. Теперь у Элиаса имелись лишь старые копии, сохранённые Джулианом, и личные бумаги, которые позднее вернули.

Элиаса остановило время обновлений.

Самым ранним материалом была фотография Габриэля и Лидии.

Её сделали за много лет до возвращения Сэмюэла в Сидар-Ридж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.